

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

Варвары

ПОЛИЦЕЙСКИЙ РОМАН

Владимир Леонов

Варвары. Полицейский роман

«Издательские решения»

Леонов В.

Варвары. Полицейский роман / В. Леонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743067-2

Герой романа сталкивается с непредвиденными обстоятельствами, которые едва ли не подводят его к трагедии... Важные вопросы: Как поступать? По должности или по совести? Что важнее — место или независимость духа? Порой становится понятно, как мудр Создатель и как бессмертны Его уроки. Один из них: там, где кончается терпение, начинается выносливость. Размышлениями и переживаниями Владимир словно очищает ум и душу... Все это помогает ему бросить вызов судьбе и выстоять в схватке...

ISBN 978-5-44-743067-2

© Леонов В.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Петр Павлович. «...и пошли к Варваре на расправу»	8
Часть вторая	10
Сашка. Вестник голгофской жертвы	10
Цезарь. «...и закружил гордый сокол»	12
«Золотой телец»: Корень зла	15
Могила: храм тишины и покоя...	18
Бегство варваров. Страшит возмездие	22
Картавин. Где облик, а где обличье?	26
Белый Ангел. Сердце цыган	27
Вскрытие склепа. Скорбная весть	29
«Оставь надежду всяк сюда входящий»	32
В гостях у Барона. Подсказка Рады	34
Милицейский пункт. Беспокойство	38
Константин. Первая ступенька	40
Сон. Проповедь или Молитва?	41
Часть третья	43
Весна. «Кто сеет ветер, пожнет бурю»	43
Конфликт. Grimасы любви	46
Халдейский провидец. Или Константин	48
Сомнения... спасает только вера	50
Не слишком ли много знаков на коротком пути?	52
Рада. Одиночество	54
И снова Сашка. Исповедь другу	56
Цезарь. Дорога мщения	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Варвары
Полицейский роман
Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2016

ISBN 978-5-4474-3067-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*Когда скользишь по тонкому льду,
все спасенье в преграде*

В основе повести – факт уголовного дела, которое расследовал автор, и в котором выразилась, к удивлению, сумма жизненного опыта. Интеллектуальный детектив, написанный от третьего лица, чтобы с большей точностью передать весь психологический колорит, пережитый героем: чувства и мысли, тревоги и радости, отчаянье и надежда, безмерное желание жить и видеть будущее. Книга – приглашение к диалогу. Автор видит своего читателя – как друга. И связанное с этим обстоятельство – быть искренним – автор ставит выше всех иных. Книга – это взгляд автора на мир, и если читатель готов принять его идеи, его образное мышление, его жизненные принципы, то он будет считать это самой лучшей своей наградой. Наградой, которая завоевывается и удерживается только тем Словом, если оно продукт собственной Мысли, собственного Сюжета и собственного Стиля: «От того, что ты за человек и откуда смотришь, зависит, что ты увидишь» (*Клав Льюис*)

Судьба открыла перед главным героем, Владимиром, совершенно неожиданные страницы... Обычный звонок, который перевернул всю его размеренную жизнь. Владимир, спасая свою жизнь и жизнь близких ищет ответы на вопросы. Что правильнее? Быть на стороне Власти и Закона? Тогда пострадают те, кто искренне желая справедливости, пошли на должностные нарушения. Поступить по совести, по справедливости, переступить Закон? Богатство, власть, совесть – великое испытание для человека прагматичного Просвещения! Психологический драматизм героя дополняют обстоятельства беды, в которые попали невинные люди: «Счастлив, кто точку Архимеда сумел сыскать в себе самом» (Ф. Тютчев)

Весьма неординарен другой герой повести, Картавин. Он в тени, не так виден, как Владимир. Однажды, работая следователем, совершил должностное преступление, чтобы спасти жену. Случайно встретившись с Владимиром, он предупредил его о готовящейся в отношении Владимира провокации со стороны органов. Он задавал себе вопросы: кто такие варвары, почему они вездесущи, всемогущи и всесильны. Они вокруг нас. Они отнимают у нас не только вещи и тела, но и бесцеремонно врываются в личную жизнь! Используя обман, насилие, шантаж отбирают последнее, что есть у человека! Надежду! Они крушат жизнь, а вместе с ней память, памятники, стыд и совесть. Слабый и безвольный Картавин, сумел перешагнуть через стену страха и лицемерия, оставшись в повести с подбоем мужества. Подтверждая своим поступком древнюю истину: «Что такое сорняк? Растение, достоинства которого еще не открыты»

Рельефен герой повести – Цезарь. Цыганский Барон. Он – Личность. Он и «альфа», то есть земной бык, он и «омега» – духовный бог, возглавляющий цыганский мир и придающий ему принципы и направления. Сильный и волевой. Переживая и страдая, остается честным и справедливым, добрым и щедрым. Считающий, что есть преступление хуже, чем поджигать мир: это жестокость. Он не только поверил, что Владимир поможет найти варваров, осквернивших могилу его жены, но и постоянно, не давя на Владимира, был рядом с ним. Имея природную мистическую интуицию, предвидел отдельные последствия. Будучи оберегом Владимира, внимательно прислушивался к его мнению, всегда выполнял то, что рекомендовал Владимир и о чем предупреждал. У Цезаря свое философское понятие чести, которую легче сохранить, чем, потеряв, найти потом. Свое философское осмысление правды, которая, даже найденная, нуждается в очищении. А очистить правду, не поранив ее, гораздо сложнее. Жжет его фраза: «Чтобы научиться молиться, брат мой Владимир, сначала научись благодарить»

Все герои повести как бы обращаются к тебе, читатель, со словами: «Если ты не услышишь шепот совести, в тебя полетят камни варваров» И мудро, по – восточному, предупреждают: взмах бабочки на одном конце планеты порождает ураган на другом. И не будем забывать, что время и жизнь – мудрый осторожный врач заблуждений, пороков и ошибок.

Кто – то из мудрых произнес, что факт – это то, чем человек обязан миру, тогда как способность превзойти самого себя – это то, чем мир обязан человеку.

Тот, кто просил человека «с топором не врываться в мир», однажды дал совет: «Учитесь и читайте. Читайте серьезные книги. Жизнь сделает все остальное» (*Ф. М. Достоевский*).

И последний, завершающий рефрен: хорошая книга говорит правду о своем герое, плохая – о своем авторе.

Оценивать это тебе, мой Читатель!

Леонов В. Н. 06. 06. 2016 г.

Часть первая

*Надежда – это умение
договариваться с будущим*

Петр Павлович. «...и пошли к Варваре на расправу»

– Встать! Суд идет!

В зал судебных заседаний вошел судья. Как и следует, здесь находились и прокурор, и секретарь, объявивший о появлении судьи. Объявивший так, что присутствующим стало ясно: сейчас все подчинено только Закону.

В зале было прохладно, и ощущалась какая – то сырость. Владимир внимательно смотрел на судью, которая ровным голосом объявляла состав суда, участников процесса. Сколько их еще впереди по его делу?! Как здесь не вспомнить апостола Петра с его с его иронической фразой о том, что пришел человек, а вместе с ним закон и умножился грех

Здесь был и его, Владимира, подельник, Петр Павлович, или просто Палыч. С легкой двухдневной щетиной, как это нынче в моде, значительно полнее положенного для его лет, он всем своим видом, манерой поведения хотел представить себя далеко не подсудимым, а скорее потерпевшим либо свидетелем. В глаза бросается костюм, приобретенный не в обычном городском универмаге, а в элитном магазине, куда простой смертный не мог позволить зайти, дабы не упасть в обморок от ценников на выставленных вещах.

Было заметно, что Петр Павлович старался выглядеть новым русским. Этаким современным оссианским идеалом бескорыстия и доблести, чтобы даже судья, обращаясь к нему, не посмела сказать ему просто – подсудимый, а, по крайней мере, господин подсудимый. Либо еще проще – уважаемый господин подсудимый, разрешите Вас спросить... пожалуйста, не откажите в любезности дать пояснения...

Соответственно имиджу прозвучал и ответ Петра Павловича, когда на вопрос судьи (без обращений: будьте любезны, господин подсудимый, не откажите в любезности...) об его образовании, где и в качестве кого работает, данный нувориш ответил, причем еле слышно, что образование он имеет среднее. Еще тише добавил: неоконченное среднее. Но значительно громче о том, что является генеральным директором торгового дома «Титаник». Причем Петр Павлович тут же пояснил суду, что «Титаник» – это очень большой пароход, плавающий в Тихом океане.

Ну, и что из того, что он уже давно не ходит в моря, и что в его неф не бьется мистраль, этот сильный и холодный ветер тех широт, как говорят настоящие, пропитанные морской солью и прожженные солнцем, моряки?

Ну, и что из того, что он спутал Тихий океан с Атлантическим? Какая в этом разница? Только в названиях, а стихия вод везде одинакова. Здесь же он сделал более шокирующее уточнение, что «Титаник» когда – то плавал в Тихом океане, но затем, столкнувшись с айсбергом, которые тоже плавают в широтах указанного океана, был утоплен.

Видимо, он полагал, что ни судья, ни прокурор, ни иные участники процесса не знают и не могут знать, что такое айсберг и что такое сам «Титаник». На немой вопрос судьи – она, конечно, была признательна ему за это пояснение, так как у нее от удивления не только расширились глаза, но и, простите, открылся рот – он решил, что если она не знает, что такое айсберг, то тем более не может ведать о трагических вещах, то, тем более, не может знать и его, генерального директора, имеющего неоконченное среднее образование, руководителя торгового дома, имя которому «Титаник». А это уж, простите, как в народе говорят, не балясы точить.

И чтобы не ставить судью окончательно в крайне неудобное положение в силу ее слабых познаний еще и в географии, Петр Павлович не стал распространяться, в каком тридевятиом море – океане такая льдина потопила могучий лайнер – в Тихом или Атлантическом. Все это пустяки и гроша ломаного не стоит. Главное, что титан есть он сам, поскольку управляет вот таким «кораблем» и, как сказал поэт, «... *не пуская тьму ночную на золотые небеса*».

Невольно мысленно произнеся эти строчки, Палыч ощутил внутри себя прилив философской благодати, превратившей его мгновенно в человека, как ему мыслилось, необычного, если не сказать точнее, гениального. А от этого все происходящее вокруг стало для него мелким и мишурным, показным.

Справившись с неловким положением, в котором она неожиданно оказалась, судья уже более осторожно поинтересовалась у Петра Павловича, знаком ли он с обвинительным заключением, знает ли, в чем его обвиняют, и признает ли он свою вину? На что тот, скромно, даже, как бы с одолжением, пребывая в позе героя, ответил: «Как Вам сказать, Ваша честь... частично»

Слушая сухую речь прокурора, оглашавшего обвинительное заключение и исполнявшего эту обязанность с чувством усталости, какой – то приевшейся обыденности, с одним желанием скорее зачитать его и уйти по иным делам государевой службы, а говорить ему, читать, так будет точнее, пришлось долго, Владимиру почему – то стало жалко обвинителя – шутка ли, столько читать. Это вам не захватывающий детектив, а вовсе неинтересное, скучное дело, в котором повествуется, как он, Владимир, с преступной целью... создал вместе с Палычем преступную группировку. Ни больше и не меньше. Вот так и звучит... ОПГ (организованная преступная группировка).

Импозантно выглядевший в темно – синем прокурорском мундире, плотно облегавшем его молодой тонкий стан, прокурор продолжал равномерное, выработанным приглушенным и безучастным голосом зачитывать обвинительное заключение, не отрывая головы.

Да, этот следователь Олег Ширшин уж постарался, настолько в обвинительном заключении образ Владимира, «важняка», следователя по особым делам, выглядел варварским, жестоким и даже, от чего Владимир передернул плечами, диким...

Слушая в полузабытьи тусклый голос прокурора, невольно Владимир вспомнил грозный окрик царя Петра Великого, повелевающего «...господам сенаторам говорить токмо словами, а не по писанному, дабы дурь каждого всем видна была». Тень улыбки скользнула по лицу.

Безразличным взглядом Владимир провел по лицам других участников процесса, понимая, что все уже predetermined, приговор вынесен заранее, а сейчас лишь соблюдаются формальности. Как он ошибался! Смотрел на своего адвоката, адвоката его подельника – того самого Петра Палыча, или просто Палыча. Они о чем – то шептались, и им было от чего – то весело. «Едва ли не пир во время чумы» – с грустинкой улыбнулся Владимир. «А мой жизненный фейерверк погас. Осталась только зола». Вспомнил притчу: «*Это невозможно*» – сказал Опыт. «*Это немыслимо*» отрезал Разум. «*Бессмысленно*» – обронила Гордость. «*А ты попробуй*» – прошептала Мечта». И думал. Мысленно возвращался в недавнюю свободную жизнь, жизнь без конвоя, камеры и суда.

Часть вторая

*Счастье зависит от правил,
фортуна – от случайностей.*

Сашка. Вестник голгофской жертвы

– Привет, как потеешь, дружище?!

Именно так всегда представляется его друг Сашка, когда звонит Владимиру. Эту фразу – «как потеешь» – он вычитал в каком – то словаре: оказывается, таким образом римляне приветствовали друг друга при встрече.

Сашка отличается своей тактичностью, умением слушать, даже если ему и не очень интересно, как на самом деле дела у друга, которого он не видел со вчерашнего дня; в его голосе всегда можно почувствовать искреннюю доброжелательность, желание встретиться и пообщаться.

Вот уже около пятнадцати лет их связывает крепкая мужская дружба. У них нет общего дела. Сашка – своего рода корсар, живет в удовольствие и делает только то, что ему по душе, по настроению. Владимир – как никак следователь, да еще по важным делам, он может позволить себе делать только то, что соответствует закону, он защитник закона, а значит, страж справедливости.

У Сашки свой круг знакомых, с которыми он, возможно, встречается гораздо чаще, чем с Владимиром, у Владимира – свой. Никогда они не навязывали друг другу свой круг общения. Впрочем, как и своего мнения. Тем не менее, всегда находились темы, которые они вместе обсуждали, зачастую оставаясь каждый при своем мнении.

Слушай, тут дело есть, – продолжил с ноткой настойчивости Сашка, после того, как Владимир должным образом успокоил его, что с делами у него все нормально, домой доехал тоже нормально. Но если интересует еще и его здоровье, то оно – не очень. Здесь же добавил, что если он еще позволит себе столько принять, сколько принял с ним вчера, то, наверняка, понадобятся лечащие врачи, которых в первую очередь будет интересоваться его печень, если она, конечно, еще будут представлять какую – либо ценность. Для Владимира, разумеется. Или какой – либо интерес – это уже не для него, а для лечащих врачей.

Накануне они встречали Новый год, по – старому. А может, провожали старый год, но уже по новому стилю? Суть не в этом. Был праздник. А еще Владимир наконец – то ушел в долгожданный отпуск. Праздник вдвойне. А все праздники они встречали вместе. Естественно, с друзьями и близкими.

Давай, не тяни, знаю, чуть свет просто так не позвонишь, – не открывая глаз, сказал Владимир. – А моими делами, здоровьем так, промежду прочим поинтересовался?

Сашка давно знает его и никогда не обижается. Да и вообще, по складу своего характера, как считал Владимир, он вообще не умеет обижаться. Большой, нет – огромный, как медведь, под два метра ростом, при весе сто двадцать, а, может, и больше, килограмм, Сашка всегда улыбается, всегда жизнерадостен и добр. Помогает всем, кто нуждается в его помощи. На нем многие ездили, как говорят в таких случаях, использовали и продолжают использовать далеко не в бескорыстных целях. «Каждый сходит с ума в меру своей испорченности» – стоически парировал Сашка, когда кто – то пытался указать на его слабости. И добавлял с оттенком уничтожительности: «Людям нужны образцы, а не судьи!»

Владимир давно привык ничему не удивляться, но только не в этот раз. Оказывается, к Сашке обратился некий цыган. И не просто цыган. А барон. Настоящий цыганский барон, которого звали Цезарь. Предела его удивлению не было конца. Владимир хорошо знал, что

Сашка не только общается, но и дружит с отдельными руководителями различных общин, – среди них армянские, узбекские, таджикские диаспоры. Причем Сашка не только разговаривает с ними на их родном языке, но и песни поет. Национальные. Они улыбаются при этом, отвечают ему с улыбкой, и также на своем родном языке общаются с ним. И что интересно, ведь понимают друг друга!

Как – то Владимир спросил его, как он общается с ними? – ведь он ни черта не смыслит в языках, на что тот ответил: «Надо любить песни. Не сегодняшние, а те, которые пели наши родители. И уметь их петь. Тогда мы научимся понимать друг друга».

Итак, как было сказано, не привыкший ничему удивляться Владимир все же был заинтригован. Он знал, что в Сибири много цыган, но чтобы какого – то там табора цыганского... или барона... да еще по имени Цезарь... не слышал.

Ну и что дальше? – только и смог спросить Владимир, потому как не проснулся еще. После вчерашнего.

У него, этого Барона, проблемы. Кто – то вскрыл могилы его родственников.

А я здесь при чем? Могилами не интересуюсь, мертвецов боюсь, и вообще, это не мой профиль. Нелишне будет тебе напомнить, я все – таки следователь...

Я дал ему твой телефон, пообщайся с ним; уверен, тебе будет интересно, – не слушая Владимира, перебив его, скороговоркой, чтобы не потерять убежденности, договорил Сашка. – Все, пока, дружище, отдыхай. Но думай и будь разумен: таких предложений раз в жизни поступает. Надеюсь, я принес тебе утром невиданное спокойствие. До встречи.

Вот так, как всегда, Сашка, закончив с долей ехидцы, поставил его перед фактом. Даже не спросив, уже знал, что Владимиру будет интересна тема, которая сама ищет его. Знал, что он любит иногда ввязаться в какие –нибудь необычные, даже загадочно – таинственные, авантурные дела, где сможет провести свое собственные расследования, встряхнуть себя, уйти от «суеты сует», повседневного ремесленничества, проявив и смелость, и дерзость, и где никто ему не сможет помешать. Никто, кроме совести и закона... Тем более впереди месяц отпуска, ну не валяться же в кровати. Все – таки уже стукнуло сорок пять. А кровь стучит, как от укуса тарантула, требуя новых мыслей, других решений. И, вообще, вспомнил Владимир незамысловатую заповедь о том, что если у тебя есть дело, у тебя нет возраста.

Сашка считает, что Владимир по натуре – мятежник, флибустьер, и ему иногда не хватает океанического простора, бури и шторма, что Сашка называет – добавить адреналина. Сашка так и говорит, что Владимиру «не жизни жаль, а того огня, что сияет над мирозданием...» И он, его верный друг, Владимиру в этом иногда помогает. Он уже и телефон его дал этому цыгану. Да не просто цыгану, а какому – то там их барону по имени Цезарь. Впрочем, Владимир не был в обиде. Ему вдруг стало очень интересно. Причем все, о чем он еще не знал, он надеялся узнать уже сегодня, встретившись с неким цыганским бароном по имени Цезарь.

Говоря с Сашкой, он уже чувствовал, как внутри все просыпается – это сила морской волны, а над ней полет птицы буревестник – внутреннего возбуждения, густой как смола истомой подкатывающей к сердцу, и разрывающей плен обыденности. Чувствовал, что есть что – то очень интересное, если ему вдруг позвонил Сашка. Причем до утра еще далеко. Но внутренняя Вандея, этот очаг сопротивления, уже гасил остатки сна...

Цезарь. «...и закружил гордый сокол»

*Не на небесах, а на земле,
ангел представляет особенность.*

Вечер был в разгаре. Столы – нет, это не столы, а выставка какой – то неизвестной национальной кухни! – просто ломились от множества закусок, расставленных профессиональной рукой, в глазах рябило от этикеток марочных вин и коньяков. Чувствовался профессионализм того, кому доверили обслужить такое количество почетных гостей, собравшихся по случаю рождения сына у самого цыганского барона Цезаря.

Банкетный зал, откупленный цыганами, не мог вместить всех гостей, приглашенных по такому случаю. Музыканты ресторана сидели за отдельным столиком и отдыхали. Этот столик, по причине отсутствия свободного места в банкетном зале, выставили в проходе, вынесли из зала ближе к кухне. Да артисты и не были в обиде. За то, чтобы они весь вечер отдыхали, им еще накрыли стол и уплатили чаевые. У цыган были свои музыканты. И не только.

Гостей было много. Слышался шум голосов, легкий стук посуды и гул праздничной суеты.

Внезапно наступила тишина. Никто не понял, откуда она пришла. Как по мановению невидимой глазу руки, все вдруг смолкло, и... заиграла скрипка. Нет, она не играла. Она жаловалась, плакала и рыдала. Она жалобно пела. Не передать словами те ощущения, те чувства, которые смог испытать каждый, кто в тот момент присутствовал здесь, кто имел счастье слушать, затаив дыхание, жалобные, печально – колоритные волшебные звуки, и видеть того, кто так умело, изысканно непринужденно, извлекал из волшебного инструмента бахчисарайские фонтаны мелодичных звуков, вечных и древних, как сами легенды о цыганах.

Из темноты, отливающей библейской сказочностью, показались юные цыганки. Они плавно, как ласточки по воздуху, не касаясь ногами пола, проскользнули к столь же юному музыканту, и так же плавно опустились у его ног. Их взоры были устремлены вверх, к лицу этого мага и чародея, чьи тонкие прозрачные пальцы рук и светлый романтический облик заставили всех и все разом замереть. Слезы на ресницах присутствующих блеснули как бриллиантовые зернышки.

Умолкла скрипка. В тишине было слышно, как бьется собственное сердце. И, дабы не спугнуть эту повисшую тишину, не рассеять миг блаженства, Барон с силой прижал ладонь к груди, к тому самому месту, где находится и бьется его сердце. Прижал так, как будто хотел остановить его... и сказать:» Остановись мгновение, ты прекрасно!»

Казалось, вечность прошла, как умолкла скрипка. Но в зале стояла тишина. Никто не смел ее нарушить. И вдруг, словно из тумана, появились силуэты других женщин. И все услышали еще далекий, звучащий, казалось бы из недр «троянских» времен, цыганский хор.

По мере приближения цыганских женщин усиливалась музыка, все громче слышалось пение. В стройный хор, как бы невзначай уснувшая до этого момента, влилась скрипка, и чем ближе приближался хор, тем громче она плакала, жаловалась и рыдала. К ней примкнули звуки гитарных струн.

Цыганский хор с песней, которая, как ранняя весна, будила все чувства и воображения, наполняя ими ручейки человеческого сердца, из глубины зала все ближе продвигался к центру стола, во главе которого сидел гордый и сильный их повелитель, Цезарь. В этом цыганском напеве слышались тоска и грусть о тех, кого пришлось оставить в далеких краях, боль и отчаянье от сбитых в кровь ног, от обжигающих кожу раскаленного сухого степного воздуха и знойного солнца. Песнь была словно наполнена пылью, поднимаемой кибитками, набитыми скarbом. В них ехали дети и старые женщины вечно кочующего в поисках лучшей доли цыган-

ского табора. Вечно уходящего в небо, в завешанные туманами дали с их реками, болотцами и тайнствами.

Умолкла музыка, оборвалась песня, но это стало новым началом, началом другой, веселой, жизнерадостной песни. Той песни, которую умеют петь только настоящие цыганки. В которую вкладывают всю силу любви к жизни, огонь, всю свою цыганскую страсть любить и умереть так, как умеют любить и умирать за любовь только настоящие цыганки. Их разноцветные, яркие, широкие юбки мелькали так, что в глазах рябило от этого разноцветья, броского и сочного. Озорные, лукавые улыбки, страстные многообещающие взгляды, озарявшие гостей, дарили радость жизни всем, кто был в это время здесь, рядом с ними. Своими жестами в этой сумасшедшей пляске, жгучими, откровенными взглядами на мужчин, они словно говорили: смотрите, как прекрасна жизнь, смотрите, какие мы красивые, желанные, готовые к любви и страсти; берите нас, ведите нас, обольщайте нас, любите нас.

Весь персонал ресторана: повара, оставившие свои горячие плиты и духовки, рискуя чего – либо переварить либо пережарить, официанты, застывшие со своими подносами, наполненных закусками, в руках, забыв на миг, куда они шли и зачем, давя друг друга, сплошным монолитом заполнили проем коридора, ведущего из кухни и иных подсобок в зал.

Внезапно из круга танцующих отделилась юная, очаровательная цыганка. В руках она держала с золотым орнаментом разнос, на котором стоял золотой фужер, наполненный доверху красным вином. Высоким, звонким и чистым голосом она пропела: «Сегодня к нам приехал не кто иной, а наш любимый, наш цыганский, наш Барон. Наш Цезарь. Наш отец и наш повелитель».

Под громкое пение уже всех присутствующих гостей в зале: «Пей до дна!» – Барон, слегка откинув назад свою когда – то черную, как крыло ворона, но уже седую голову, не торопясь, до капли выпил вино и с широкой улыбкой хозяина вернул его на место. И не стал закусывать. Он властно притянул к себе юное создание и, крепко, как умеют это делать настоящие цыгане, поцеловал ее в широко открытые, ярко – алые губы. Радости юной цыганки не было конца. Ее огромные глаза блестели от счастья, как капли утренней росы при восходе солнца.

Праздник продолжался долго. Еще бы. У цыганского Барона родился сын. Заканчивался род Барона. Ему шестьдесят. Четыре дочери, но ни одного сына не подарила ему та, которая была ему верной женой, та, чьим именем до сих пор он иногда называет свою молодую жену. Умерла его Рада. Умерла как – то загадочно: вечером вернулись с ресторана, где у них была деловая встреча, Рада почувствовала себя усталой, ушла спать отдельно, а утром не проснулась...

И вот его новая жена, молодая, сильная, взявшая в наследство не только красоту, но и цыганскую страсть от своей бабки, тридцатилетняя красавица Лана подарила ему наследника, Петра. Что звучит как камень, гранит. Как полет сокола.

Приехали представители цыганских диаспор – поздравить Барона с рождением сына. Были гости не только со всех уголков России, но даже из Испании, Аргентины, Чили, Румынии, Молдавии. Там тоже не только знают и уважают Цезаря, но и чтят вековые традиции цыган, предки которых были выходцами из Индии, умели предсказывать будущее, как боги. Поэтому греки и прозвали такой народ «цыгане» или «неприкасаемые». А еще есть поверье, что далекие предки Барона кочевали на просторах, от легендарной китайской речушки Ци и могучей индийской реки Ганг – отсюда и наречен народ «цыгане». Самые почетные гости, близкие по династической крови и приближенные Барона, сидели рядом с ним, во главе огромного стола. Как одна семья. Как один мир, по природе племени своего и укладу жизни не воинственный, не враждебный и не злобный. Отсчитывающие жизнь не по урожаю, который они собирали на бескрайних землях планеты, а по семенам, которые они сеяли... Дети и продолжение потомства и династий. Акт, достойный восхваления и одобрения всеми святыми Земли и Небес.

На миг задумался Барон. Прошло два года, как он схоронил Раду. Родила она ему дочерей. Но ни одного сына. Вместе с ней ушел, оставшийся по наследственной линии от ее еще прабабки, кулон. Их, переходящий от одного рода к другому, кулон. Из желтого золота, на котором белыми линиями была изображена загадочная символика. Это не просто кулон. Он имел определенную, наделенную предками, магическую силу и давал эту силу только тому, кому он по праву принадлежал. Делал владельца богатым, непобедимым. Устранял любые интриги и покушения, предупреждал об опасности, вселял дух сильный, а ум очищал от хлама и снабжал его мыслями новыми, отчего владелец кулона блистал даровитостью и талантом необычным. Как в той древней книжной легенде, объяснявшей победы Македонского тем, что он владел отрубленной головой горгоны Медузы. Никто не знает, где начало амулета, кто являлся первым владельцем кулона. Если бы родила Рада сына, он бы перешел к нему. Но не суждено этому быть. Поэтому его сыну, уже от другой жены, не принять его. Унесла кулон вместе с собой Рада. И что ждет сына его Петра без волшебного оберега? А ведь он – будущий Барон...

Праздник продолжался долго.

– Послушай, – обратился к Барону его брат Василий, отвлекая того, тем самым, от тяжелых мыслей. – Гости уже почти все разъехались. Остались только наши. Давай проедем на могилу брата, ему будет приятно. Заодно проведем всех. Ты же знаешь, это наш обычай – при рождении сына приходить к своим праотцам.

Что? Да, да. Конечно. Скажи, всех гостей развезли по домам? Все ли нормально? Никого не обидели недостатком внимания? Обеспечили жильем, билетами, подарками, деньгами; ты проследил за этим, Василий?

Не волнуйся. Все хорошо. Все довольны, никого не забыли. Сейчас распоряжусь, чтобы все подготовили, уложили в машины, и – поедем.

«Золотой телец»: Корень зла

*«На земле весь род людской
Чтит один кумир священный;
Он царит над всей Вселенной.
Тот кумир – телец златой!»*
«Фауст». Слова беса Мефистофеля.

А в это время...

Глубокая ночь. Мороз такой силы, что от дымки его не видно звезд. Он плывет в высоте, в бездонной глубине неба, наполняя его какой – то безраздельной печалью. Желтолицая красавица Луна едва пробивается через завесу черного неба и туманной изморози. Если прислушаться, можно уловить тонкие вибрации сухого бора, зимнего воздуха. Мороз давил на плечи, как тяжелая шуба ямщика. Давно не было таких холодов в Сибири.

В кромешной темноте, тяжело дыша и проваливаясь под тяжестью собственных тел в глубоком снегу, молча, иногда чертыхаясь и кого – то вспоминая при этом, шли трое мужчин.

Обходя наметенные сугробами снега неожиданные препятствия, их фигуры, словно при видениях, исчезали, затем вновь, так же неожиданно, появлялись среди покосившихся могильных крестов, памятников и железных оград ночного кладбища.

– Черт, жутко как, – шепотом произнес молодой, неся в руках большой пакет, в котором, тихо постукивая, находились бутылки с водкой и минеральной водой. Там же были и пластиковые стаканы с нехитрой закуской.

Двое других, идущие впереди молодого, ничего не ответив, продолжали шагать по дороге. Им было не до него – сейчас предстоит работа. Причем не легкая, далеко не приятная и требующая определенных нервов. Либо полного их отсутствия.

Один из них, высокий, крепкого телосложения, нес три лома, две лопаты, автомобильный домкрат и еще что – то, похожее на металлический трос. Он шел легко, уверенно, не ощущая тяжести, хотя вес этого груза – более ста килограмм. И не удивительно. Кисти рук его были ниже колен, такой подкову согнет руками. Еще штрих: он практически не имел шеи, хотя эта часть тела необходима для каждого нормального человека... Имени его никто не знал. Звали просто – Бык. Сзади, за ремнем его брюк, ощущался предмет, похожий на пистолет, с которым он никогда не расставался. Даже спать ложился вместе с ним. Снимал ли он когда –нибудь брюки, кроме случаев сходить по нужде – этого никто никогда не видел.

Чуть левее от него шел третий. Выше среднего роста, широкоплечий мужчина. Он ничего не нес. Мельком разглядывал таблички на крестах, и по одному, только ему известному при знаку, чутью либо нюху определял, куда, по какой дорожке кладбища надо идти. Если увидеть этого мужчину в лицо хоть один раз, – не забудешь. Слишком заметен его облик. Кривой, чуть влево, словно в усмешке, слегка приоткрытый рот. В ту же сторону, влево, почему – то искривлен нос. Может, в детстве или в юности его искривили принудительно. Это сразу бросалось в глаза любому, кто хоть однажды его видел. А его вечную улыбку можно была назвать улыбкой дауна. О таких много анекдотов. Но, не дай Бог, если кто –нибудь однажды, хоть словом одним, позволит себе вольность неблагоразумно пошутить в отношении его улыбки. Но на кличку Кривой он отзывался, как на собственное имя (которое, надо заметить, также никому известно не было).

Пришли, – сказал Кривой.

Ночь была настолько темной, что даже белый снег казался темным.

Не понял, где эта самая, ну, могила там, кресты, – едва отдышавшись, чуть слышно спросил молодой.

Ты чо, Прыщ? – в ответ на неуместный вопрос усмехнулся Кривой. – Какие у цыган кресты, какие могилы? У них нет крестов. Памятники и склепы, что твоя комната. Видишь, какой памятник перед тобой? Прямо смотри, чего под ноги уставился? Шедевр. Нам никто такой не поставит, – как бы с сожалением, тем не менее, с легкой иронией произнес Кривой. – Смотри, сколько венков. Значит так, запоминай, как, в каком порядке они уложены. Их надо аккуратно убрать, чтобы не мешали, и, в той же последовательности, после работы, все положить так, как было прежде. Ясно? – обратился Кривой к самому молодому из их троицы, застывшему либо от мороза, либо от удивления и стоявшему с пакетом в руках. – Давай, действуй. А мы пока стол накроем, грех, в таком случае, по стаканчику не врезать. Самое время.

Только сейчас Прыщ, подняв голову, увидел, что это не просто могила, каких тысячи кругом. Перед ним, на некотором возвышении, из белого мрамора – фигура ангела. Его крылья, берущие начало из – за спины, как бы укрывали того, кто стоял перед ним. Укрывали и этого маленького, ничтожного человечка. Именно так вдруг почувствовал себя Прыщ, глядя на необъятный размах крыльев Божьего посланца.

Из такого же мрамора, но в обрамлении черного, как траурная лента, – огромная могильная плита. Несмотря на недавно прошедший снегопад, под ногами ощущался чисто выметенный бетон. Справа, из черного мрамора, инкрустированные полосками желтого металла, вырезанными руками хорошего мастера, смонтированы стол, скамьи. По всему периметру – ограда, по углам ограды, похожие на черные тюльпаны – вазоны, наполненные цветами. «Ни хрена себе, что за чертовщина, неужели настоящие?» – глядя на примороженные, но не утратившие свою вчерашнюю свежесть и красоту живые цветы, вслух, разрезая заиндевшую тишину, воскликнул Прыщ.

Не успел все рассмотреть и удивиться, как его окликнул Кривой, который уже разложил на столе принесенную снадобь и разлил в пластиковые стаканы водку.

– Ну, давай, мужики. Помянем усопшего. Привет, кучерявый, привет, дорогой! Не скучно одному? Заждался, поди? А мы в гости, посмотрим, как ты тут поживаешь?

«Господи, прости меня», – перекрестившись, тихо, почти про себя, с опаской оглянувшись, словно оправдываясь перед кем – то, прошептал Прыщ, которому не очень пришлась по душе неуместная и плоская шутка Кривого. Он, профессиональный квартирный вор, впервые принимал участие в таком деле, и уже сожалел, что согласился на предложение Кривого – очистить могилу какого – то недавно похороненного цыгана. Узнают пацаны, руки не подадут. Но Кривой так красиво все разрисовал, рассказывая о прошлых своих с поделщиками, подобного рода делах, что Прыщ согласился. Со слов Кривого, год назад здесь же они потревожили хозяйку одного из склепов, – жену какого – то цыганского барона. Взяли много, очень много золотых украшений, даже зубы золотые выбивать не надо было. Они просто лежали ровным рядом в открытом зеве черепа, еще не успевшего за год сгнить труп. Прыща передернуло от одной только мысли, внезапно пришедшей к нему именно в это время.

Кривой что – то говорил еще о каком – то кулоне, которому цены нет и который защищает от всех напастей. Но где этот кулон и сколько за него было выручено, Кривой так и не сказал. Не из тех он, чтобы лишнее болтать. Хоть и не в законе, но жил по понятиям. Конечно, среди братвы Кривой не мог пользоваться уважением, такому и руку западло подать. Так полагал Прыщ, который встретился и познакомился с Кривым буквально пару дней назад.

Допив бутылку, Кривой поднялся; глядя в ночное небо, перекрестился и, что – то пробормотав про себя, стал убирать венки, уложенные аккуратно у ног белого, как снег, ангела. Венки были и вдоль всей ограды.

Прыщ, на которого накатила вдруг непонятная дрожь во всем теле, трясущимися руками стал помогать Кривому, перекидывая и отбрасывая венки далеко в сторону. Но тут же, от сильного удара Быка, отлетел в сторону. Не любивший много говорить, Бык прошипел в самое ухо Прыща, что если потом он не соберет и, не дай Бог, не уложит венки в том же

порядке, как были они расставлены и уложены, он... Прыщ не разобрал дальше, что он потом с ним сделает, но догадался, это точно.

Не привыкший к подобному обращению Прыщ готов был в ту же минуту откусить Быку нос, воткнуть ему нож в бок, сделать то, что он обязан сделать, как вор. «Как он посмел, этот мужик? Ударить его, вора? Ну, погоди, сука, ты пожалеешь об этом, да я тебе», – только и подумал Прыщ, но эта минутная ярость, вспыхнув, тут же затухла. Не из тех воров был Прыщ. Он привык шестерить, лебезить и ярости его хватало ненадолго. Не успел Прыщ додумать, что он сделает с этим Быком, как тот одним взглядом заставил его, вмиг притихшего, продолжить прерванную им работу.

Ничего не понимал Прыщ. Зачем все складывать, может, еще и подмести после себя? Никогда, ни в одной из обчищенных им квартир не наводил он какой – либо порядок после своих визитов. Все, что он себе позволял – протереть тряпкой предметы, на которых он мог оставить свои пальчики. И то, в исключительных случаях, когда работал без перчаток. А это было весьма редко.

Затаив обиду, он перешагнул через ограду, и стал нехотя складывать разбросанные им венки. Не успел протянуть руку к одному из них, как вдруг услышал звук. Что бы это могло быть? Прыщ замер. Замерли и его подельники. Кругом была тишина. Как и следует тишине, присущей кладбищу. Тем более ночью. Прошла минута, две. Прыщ слышал только биение собственного сердца и чувствовал, что по всему телу выступил пот. Откуда он в эту морозную ночь взялся, этот пот? Он, липкий и холодный, покрывал все тело. Прыщ ощутил, как его рубашка буквально прилипла к его, давно не мытому телу.

Что это было? – спросил он шепотом у Кривого, который почему – то сидел на корточках и не двигался.

Тихо, – прошептал Кривой. – Это сигнал.

Прошло не больше минуты – двух, как вдруг совсем рядом они слышали голоса, да, именно голоса живых людей, а не каких – то заупокойных душ и кладбищенских призраков. К ним приближались, громко разговаривая при этом, неизвестные люди. Они были уже рядом. Откуда? И что им тут делать в это время?

Бежим, – только и успел шепнуть Кривой.

Могила: храм тишины и покоя...

Все дороги жизни ведут к могиле.

Смотри, тут кто – то был, совсем недавно. Интересно, кто это приходил? Почему не знаю? – спросил Василий идущего рядом с ним Барона.

Не знаю... Ты видел у ворот машину, по – моему, такси? Она разворачивалась, когда мы въезжали на площадку. Но там, вроде бы, никого, кроме водителя, не было. Я еще удивился и сказал тебе об этом.

Ромалэ, – удивленно, громче обычного, на языке своих предков прошептал Рустам, один из племянников Цезаря. – Что это?!

С этими словами все вдруг остановились. Только вчера бережно и аккуратно были приведены в порядок чуть покосившиеся венки, принесены и поставлены в вазоны, цветочные горшки, свежие цветы. Сегодня венки в каком – то странном беспорядке. Самое странное было в том, что часть венков покоились не на своем обычном месте, а в стороне, несколько из них – за оградой склепа. Кому они помешали? И для чего их перекинули?

Никто из присутствующих не заметил ни лопаты, ни ломы. Их внимание разом, вдруг, приковали к себе лежащая на столе закуска, две водочных бутылки, одна из которых была пустой, и пластиковые стаканы, почему – то валявшиеся под столом, видимо, упавшие случайно.

После некоторого замешательства Василий, обращаясь к Барону, проговорил.

Это опять они. Помнишь, я говорил тебе, что склеп, где покоится Рада, кто – то вскрывал. Мне тогда никто не поверил, ни милиция, ни вы. Та же история.

Опомнись, брат, ты думаешь, что говоришь?

Не понимая произошедшего и обсуждая, кто бы это мог здесь быть, ловкий и стремительный по темпераменту Рустам, быстро обойдя по периметру ограду, уже громче обычного позвал к себе остальных. Нет, не позвал, а окликнул, чтобы к нему подошли.

Что это, откуда? – не понятно было, кого именно спросил Барон.

На земле, слева от памятника, лежали лопаты, ломы и еще что – то, завернутое в тряпку. Наклонившись, Василий потянул за конец тряпки, из которой показались какие – то странные предметы. Этими предметами оказались автомобильный домкрат и металлический трос.

Не трогай, – положив руку на плечо брата, сказал Барон. – Ничего не трогать! – уже всем повелел он. – Рустам, быстро беги на площадку и посмотри, там ли та машина, которая была, когда мы подъехали. Если там, ничего не предпринимай, запомни номер, садись в машину, и – быстро в милицию. Ты помнишь, где она находится? Все, давай, бегом. Нет, стой, с тобой пойдет Василий, – тоном, не терпящим возражений, распорядился Цезарь. – А мы пока тут побудем.

Василий, задыхаясь, еле успевая за Рустамом, быстрым шагом направился к главному входу кладбища.

Подходя к площадке, они явно слышали отдаленный гул отъезжающего автомобиля, звук двигателя которого напоминал звук «Волги».

Что делать? – спросил Рустам.

Как что, давай, заводи машину и едем в милицию.

Барон обошел вокруг ограды склепа, углубленного в землю внутреннего помещения цыганской гробницы. Он разглядывал следы неизвестных людей. Вот три стакана... Значит, их было трое. Или больше? И что они хотели делать здесь, в это время? Конечно, не водку пить. То, что эти неизвестные были чужими, сомнению не подлежало.

Неужели Василий был прав? Неужели кто – то действительно пытался вскрыть склеп? То, что на этот раз склеп не вскрыли, очевидно. Мы им помешали. А вот склеп моей Рады? Почему я не прислушался тогда к брату? Почему не поверил?

Все эти вопросы и не только напрашивались сами собой. Но пока не было ни одного ответа. Так что же делать? Сейчас три часа ночи. Милиция, наверняка, не придет. В лучшем случае – утром, не раньше.

Барон, привыкший решать и действовать, сейчас был в некоторой нерешительности, какой – то растерянности. Но вскоре он уже держал в руке сотовый телефон и кому – то звонил. На лице его уже не было минутной растерянности. Он вновь был прежним, готовым решать и действовать.

Телефон долго не отвечал. Барон, с какой – то отчаянной решимостью, вновь и вновь набирал номер телефона известного только ему одному абонента.

И вдруг телефон ожил. Отчаявшийся Барон увидел вспыхнувший ярко – зеленый экран сотового телефона и услышал хриплый голос мужчины, видно, еще не проснувшегося, который тихо сказал, что он внимательно слушает...

– Что случилось, Барон? Ты знаешь, который час? Или ты решил у меня об этом поинтересоваться, так вот, уважаемый, сейчас четыре часа...

Прости, Саша, прости, ромалэ, что потревожил тебя. Мне нужна твоя помощь. Помнишь, я как – то рассказывал тебе, что кто – то интересуется нашими цыганскими могилами? Я еще не верил в это. Но мой брат был в этом так убежден, что даже обращался в милицию, только там над ним посмеялись?

Да, что – то припоминаю. Ну, и.

Подожди, не перебивай. Так вот, около часа назад кто – то пытался вскрыть склеп моего брата, которого неделю назад похоронили. Мы этих неизвестных вспугнули, случайно, и они убежали.

Ну, и чем я могу быть тебе полезен, Барон?

Мне нужен надежный человек, который помог бы разобраться, найти эту сволочь. Взять это расследование под свой контроль, либо самому все выяснить. Милиции я не верю. Хватит, уже обратились однажды. И мне этот человек нужен прямо сейчас, немедленно. Ты знаешь меня, цыган умеет благодарить.

Какое – то время никто не отвечал.

Ты меня слышишь, Саша? Ты где?

Подожди, я думаю. Сейчас перезвоню.

Барон в задумчивости, еще какое – то время, не решаясь закрыть крышку телефона, молча смотрел на экран мобильного и думал. Если бы кто – нибудь в эту минуту видел его лицо! Не было прежнего Барона. Вместо него был другой. Он уже знал, что сделает с теми, кто посмел осквернить память, нарушить покой его брата и, не приведи Господи, его жены Рады! Он чувствовал, как в жилах закипает кровь, не горячая, цыганская, а иная кровь. Кровь мести. Тяжелая, необузданная.

Никто не посмел в этот миг нарушить его мысли. Молча, как бы со стороны, наблюдая за Бароном, двое молодых людей, оставшихся рядом с ним, тихо курили в стороне и, словно боясь потревожить покой усопших, а может быть, и самого Цезаря, молчали и чего – то ждали.

Сколько прошло времени, никто не знал. Молча и так же тихо, что неслышно было и скрипа снега под ногами, Барон подошел к рядом находившемуся склепу. Здесь покоилась его Рада.

О чем думал в эти минуты Барон?

Внезапно мелодичный звонок телефона вывел его из задумчивости. Не спеша, Барон включил телефон, который так и оставался в его руке, и так же, не спеша, проговорил:

Говори, Саша, я слушаю. Нет, не надо, уже запомнил. Спасибо, ромалэ.

Едут, это наши вернулись, – проговорил один из молодых людей.

Все разом, как по команде, повернули головы в сторону главной аллеи, которая где – то в самом ее начале обозначалась едва видимыми огнями, освещавшими главный въезд на кладбище. Через какое – то время послышались голоса, затем появились темные силуэты мужчин. По мере их приближения можно было уже различить отдельные фразы.

Барон не шевелился. Молча стоял и ждал, когда эти люди сами подойдут ближе. Он знал, что те, кого привез его брат с племянником, ничем им не помогут. Но надо же как – то это все правильно оформить? С чего – то надо начинать?

Ну, и что тут у вас случилось, кого вы тут поймали, кого напугали, кто тут и что рыл, что тут такое у вас произошло? – без лишних церемоний, не успев остановиться, с ходу спросил один из двух милиционеров, видимо, старший из тех, кого привезли с собой цыгане. – И, вообще, что это вы тут делали в три часа ночи? – пулеметной очередью выпалил свои вопросы страж порядка и остановился, так как посчитал, видимо, что задал все свои вопросы.

Цыгане, как по команде, посмотрели на Барона. Тот молчал. Одним взглядом, обращенным к брату, Барон дал понять, что говорить и объяснять что – либо он не будет, пусть это сделает он, Василий.

Василий, видимо, устав уже от дурацких вопросов, все же вновь рассказал о том, что они сегодня по случаю рождения сына у Барона, по обычаю цыган, решили навестить недавно похороненного родного брата.

Нас было три брата! – заметно нервничая, объяснял он. – Двое из них – вот они, мы, здесь. А третьего нет, он вот здесь, в этом склепе лежит. Мы приехали сюда, сказать ему, нашему брату, что у него родился племянник, которого называли Петром, понятно?

Василий уже не говорил, он почти кричал, со свойственной ему горячностью быстро заводиться, если его кто – то не понимает. Или не хочет понимать.

Когда мы пришли сюда, – громче обычного продолжал Василий, здесь кто – то был, причем не один. Но все убежали. А убежали потому, что мы им помешали вскрыть склеп, – с той же интонацией подытожил Василий, считая, что этим убедил милиционеров, причем сразу обоих, один из которых все время молчал.

Ну, мало ли кто был здесь. Может, бичи, бомжи приходили... Видишь, как здесь тихо, красиво, притом никто не мешает? – с улыбкой предположил тот, кому ранее были обращены пояснения Василия. – Вон и стаканы валяются, закуска на столе.

Василий, у которого уже не было слов, в отчаянии от непонятливости этого блюстителя порядка, вытянул вперед руку и спросил:

А это что?

Милиционер подошел ближе к указанным Василием предметам, лежавшим слева от памятника. Здесь он разглядел то, что было оставлено, со слов цыгана, неизвестными кладоискателями. Приподнял один конец тряпки, посмотрел, зачем – то понюхал ее. Обойдя вокруг памятника, поднял голову и, придерживая одной рукой шапку (видимо, чтобы не упала), внимательно и изучающее смотрел на него. Что он там нашел интересного?

Молча, обошел весь периметр чугунного литья изгороди. Все это время смотрел куда – то вверх. Что он там искал? Этого тоже никто не знал.

Все присутствующие молча наблюдали за милиционером, боясь помешать ему найти то, что он, видимо, там, наверху, искал.

Ну и что? – неизвестно к кому обратился работник милиции. – Что из этого следует?

И тут же сам ответил на свои вопросы.

Из этого следует, что кто – то из местных бичей либо бомжей здесь был. Они пили водку, но им помешали. Они испугались и убежали. А что венки вне ограды, так мало ли что не сде-

лают разгулявшиеся бомжи? Никакого криминала в этом не вижу. Так что давайте, граждане цыгане, по домам. Дома надо водку пить, а не в...

Что этим хотел сказать представитель доблестной милиции? Где именно надо пить водку? Может, он хотел продолжить – не в общественных местах? Но вовремя остановился. Действительно, разве можно погост назвать местом общественного пользования?

Главное, вызов принят, милиция отреагировала, выехала на место предполагаемого... а кто это сказал – преступления? Какого преступления? Милиция выехала на место предполагаемого происшествия. Все. Точка. Его, преступления, не было. Ложный вызов пьяных цыган. Да пусть они спасибо скажут, что этот ложный вызов сделан в его дежурство, он добрый, простит их.

Вновь наступило минутное молчание. Причин тому было немало. Кто – то молчал от сознания «честно выполненного долга», от предвкушения скорого окончания смены – конца дежурству. Кто – то по иным причинам. Например, по причине удивления профессионально быстрым проведением следствия по факту ложного вызова.

Вдруг все разом повернулись в сторону Барона. Он с кем – то говорил по телефону. Говорил тихо, но всем, кто был рядом, было понятно, о чем он говорил. И что именно он говорил, одновременно отвечая на чьи – то вопросы.

Да, Владимир, я все понял. Факт обращения в милицию зафиксирован официально в дежурной части РОВД. Моим братом и племянником. Вот и милиция здесь. Двое. Нет, мы никуда отсюда не уйдем до Вашего приезда. Что? Зачем? Понятно. Мы ждем Вас.

Закончив разговор, Барон тихо закрыл крышку телефона и на сей раз убрал его во внутренний карман своего кожаного пальто. Лицо его было вновь спокойным.

Все, ромалэ, по очереди греться в машину. Скоро рассвет. Ждем одного человека. Давай, Василий, распорядись, а то промерзли все.

Старший из двух милиционеров, который так быстро провел свое расследование, вдруг отчетливо понял, что его дежурство не закончено. Видимо, оно только начинается. Это значит, что домой сегодня утром он уже не вернется. Начинался зыбкий, пробиваясь сквозь морозный туман, рассвет...

Бегство варваров. Страшит возмездие

Никогда не тревожьте беду, пока он вас не потревожит

Машина мчалась с бешеной скоростью. Четверо мужчин, один из которых вел машину, давя до отказа на педаль газа, и с которым мы еще не знакомы, молчали. Трое остальных – это те, которые так быстро покинули место захоронения цыгана, что не успели даже забрать свои вещи, оставленные там, у нескрытого ими склепа.

Куда? – только и спросил водитель автомобиля. – К нему?

Да, – так же коротко ответил Кривой.

Остальные продолжали молчать.

Минут через пятнадцать – двадцать быстрой езды по ночным, неосвещенным улицам одного из районов города, машина остановилась. Из нее вышел Кривой и направился к последнему подъезду жилого многоэтажного дома. Здесь, на первом этаже, находился опорный пункт милиции. Подойдя к одному из окон, Кривой трижды резко постучал в стекло.

Чего так быстро, случилось что? Я ждал тебя утром.

Давай, Картавин, открывай.

В одной из трех комнат опорного пункта милиции, находившегося на первом этаже обыкновенной «хрущевки» сидели Кривой и Картавин.

Обычно в этой, давно не имевшей даже какого – либо косметического ремонта комнате, участковый принимает граждан, выслушивает их, заполняет протоколы. Эта комната не отличается от иных, по своему содержанию подобных опорных пунктов милиции, которых в городе десятки. Те же стенды с фотографиями пропавших, которых кто – то ищет, кто – то догоняет, а те не хотят, чтобы их нашли либо догнали. Есть такие фото, не раз пропущенные через ксерокс, затем переданные факсом, что сразу и не разберешь, пока не прочитаешь, женщина это или мужчина. Попробуй, угадай. Картавин рискнул бы угадать даже не с трех, а с двух раз, если ему за это пообещали бы приз.

И он всегда приходил в уныние, когда под одной из таких фотографий, словно в насмешку, было обещано солидное вознаграждение, причем с гарантией, что никто об этом не узнает, но с условием, если угадавший назовет и укажет место нахождения разыскиваемого.

И как по ним можно найти кого – то? – не раз задавал себе Картавин этот вопрос, когда ему случалось видеть такие фотографии.

Здесь, в этой комнате, стояли старые, издававшие виды письменные столы, с кипами пожелтевших от времени протоколов, жалоб, заявлений и прочей рабочей, но никому не интересной, чепухой. Разные не только по своему прямому назначению, но и по возрасту стулья, среди которых, как память застойных времен, табурет, на котором стоит грязная с кучей окурков пепельница. Причем здесь же, на самом видном месте, висит изрядно надоевший своим юмором плакат. На нем изображен запрещающий знак ПДД на фоне папиросы. Бывает, наоборот. Папироса – на фоне запрещающего знака.

Две другие комнаты, двери которых всегда были закрыты для посторонних, имели иное, далеко не служебное назначение. Об этом знали не многие, могли лишь догадываться.

Начальство смотрело на это так, как и должно было смотреть. Расслабиться им тоже иногда хотелось – от трудов своих и службы благородной, но не благодарной. А почему бы и нет?

Кривой был бледен. Он только что рассказал Картавину о том, как какие – то цыгане ночью приехали на кладбище, и если бы они вовремя не заметили их, все могло бы кончиться печально.

Ты же знаешь, если бы нас застукали на месте, то зарыли бы там же, в том же склепе, – продолжал свое повествование Кривой.

Картавин, выслушав своего напарника и выяснив для себя, что никто из внезапно приехавших цыган в лицо кладоискателей не видел, немного успокоился и спросил, не оставили ли они чего на месте несостоявшихся раскопок?

Услышав ответ Кривого, Картавин так резко вскочил со стула, что тот отлетел в сторону и громче, чем можно себе позволить в это ночное время, прошипел в лицо Кривого, вспомнив не только его родителей до девятого колена, но и всех сегодняшних родных. Не забыл при этом и будущих потомков, если они, конечно, будут у Кривого, потому что он, Картавин, яйца им всем оторвет, это точно.

Предела негодованию, нет, ярости Картавина не было конца. Он вспомнил все, что было, даже то, чего и быть не могло. Обессиленный, поднял валявшийся рядом стул, сел на него и замолчал.

Кривой не посмел нарушить тишину. Тем более он сам во всем виноват. Сколько раз себе говорил: ни капли в рот, когда идешь на дело. И что сейчас? Ну, ладно – ломы, лопаты, домкрат и трос там оставили. Домкрат завернут в тряпку. Несли все это в рукавицах. Но стаканы, бутылки, оставленные там! А вдруг начнут копать? Это все, конец. Ни я, ни Бык не имели ходок, не привлекались, но Прыщ... еще по малолетке ходил, его тут же вычислят, выйдут на него.

Что делать? – чуть слышно прошептал Кривой.

Внезапно на столе завибрировал сотовый телефон. От неожиданности оба вздрогнули.

Ну вот, это дежурный, – промолвил Картавин, взяв со стола вибрирующий телефон, – Да, слушаю.

Привет, не разбудил? Давай, просыпайся и сразу – на кладбище, это же твой участок? На планерку не приезжай. Разберись на месте, там патрульная машина сейчас. Но у них дежурство заканчивается, не держать же их после работы? Ну, что случилось, – отвечая на вопрос Картавина, продолжил дежурный по РОВД, – какие – то кладоискатели появились, которых вспугнули цыгане. Ты давай, езжай туда, на месте разберись, не держи там ребят, мне еще дежурство сдавать. Все. Потом доложишь, что и как. Да, пока наряд не вернулся, я вызов не записывал. Заявление цыган слева, в той папке, ну, ты сам знаешь. Потом сам оформишь, у меня без этого бумаг хватает. Все, работай!

Кривой молча смотрел на Картавина, как бы спрашивая, ну что там?

Ну, что, как я и полагал, они обратились в милицию, меня ждут, – отвечая на немой вопрос, попытожил Картавин. – Чего сидишь, убирайся с глаз моих. Связался с вами, черт меня дернул. Я сам тебе позвоню.

Кривой, с силой хлопнув дверью, вышел из душевой и прокуренной за ночь комнаты.

Услышав за окном шум отъезжающего автомобиля, Картавин приоткрыл дверь одной из комнат и, не заходя в нее, кому – то только ему одному известному сказал: «Хватит валяться, красавица, собирайся».

Подойдя к окну, Картавин широко распахнул форточку, закурил сигарету и задумался.

То, что цыгане могли обратиться в милицию, он не исключал. Их заявление пока не зарегистрировано. Это хорошо, что сегодня дежурит этот капитан, отличавшийся тем, что все заявления и обращения граждан, поступавших во время его дежурства, он не сразу фиксировал в журнале, а по мере их важности и необходимости. Поэтому после его дежурства в специальной для этого отдельной папке всегда находились уже не нужные заявления граждан, необходимости в рассмотрении которых не требовалось. Это, конечно, нарушение, и если вдруг

об этом узнает какой – нибудь проверяющий, скандал будет большой. Но, с другой стороны, исключалась дополнительная рутинная работа по их отпискам. Тем более – в конце дежурства, когда так хочется поскорее его сдать и поехать домой на заслуженный отдых.

Далее. Эти придурки оставили ломы, лопаты, домкрат, трос. Для чего все эти предметы предназначены, понятно сразу. Ну, и что из этого следует? Чьи они, кто хозяин – выяснять не будем. Да и сам хозяин этого инструмента искать их не будет. Это понятно. Что еще? Станканы, бутылки. Ну и что из этого? Ведь могила не вскрыта? Нет. Значит, нет никакого криминала.

Он вспомнил, как год назад хоронили жену какого – то цыганского барона. Прошли слухи, что ее отравили. Похороны были широкие, торжественные. Машин было столько, что пришлось выставлять дополнительный наряд милиции. Один гроб чего стоил. Темно – коричневого цвета, сверкающий лаком и похожими на золотые какими – то вычурными скобами. Его не везли на специальном катафалке, идущем позади траурной процессии, а несли сменяющиеся по очереди шесть цыган. Крышку гроба не несли, как обычно, отдельно. Гроб был закрыт.

Склеп цыгане подготовили по – царски богатым. Стены увешаны коврами, даже на полу им нашлось место. Посредине склепа, на некотором возвышении, – место для гроба. Но удивлению человека неосведомленного не было конца, когда он видел здесь не только холодильник, телевизор, пылесос и микроволновую печь, но и мягкие, темно – вишневого цвета, видимо, от гарнитура, стулья.

К могиле, вернее склепу, никого из посторонних не подпускали. В порядке исключения – только рабочих похоронного бюро. Не тех, которых можно увидеть в грязной, непонятного цвета робе и сапогах, причем если и трезвых, то обязательно опухших после вчерашних лиш-них далеко не 100 грамм...

На них были специальные, с эмблемой похоронного бюро, сшитые на заказ, с траурной лентой на рукаве костюмы. И обуты они были соответствующим образом.

Через год после этих шикарных похорон к нему обратился Кривой. Просьба его – так себе, сущий пустяк, обеспечить закрытие главных ворот кладбища ночью и проследить, чтобы в это время никто туда попасть не мог. Но вознаграждение солидное, пятьдесят тысяч рублей. Не устоял перед этим Картавин. Согласился. Деньги очень были нужны. Жене сделали очередную операцию, да и вообще.

И вот опять связался с этим Кривым. Конечно, на сей раз он уже не получит обещанного вознаграждения. Жаль, конечно, размышлял Картавин. Деньги так были нужны. Но вина – то моя? Я же не обеспечил закрытия главных ворот, понадеялся на этого сторожа, который после моего угощения спит еще, скотина. Никак не думал, что ночью кто – нибудь может появиться на кладбище.

В тот раз все получилось хорошо. Правда, без шума не обошлось. Почувствовал какой – то цыган, что могилу, а правильней будет сказать, склеп кто – то потревожил. Шумел сильно, написал заявление. Кое – как удалось уладить этот скандал. И вот опять.

Ну, не будет же он настаивать на вскрытии склепа, никаких оснований нет. Его же не успели вскрыть? Жаль, конечно, что сегодня у них ничего не получилось. А так деньги нужны, в который раз с сожалением подумал об этом Картавин.

– Ты что, не поняла меня, – обернулся Картавин и еще громче добавил: – Быстро соби-райся, умоешься дома. Я уже опаздываю.

Из комнаты вышла та самая красавица, которой были обращены эти, далеко не ласковые, слова. Потягиваясь, совсем юная, но уже порядком повидавшая мужчин, девица, всем своим видом показывая еще не остывшее желание продолжить внезапно прерванную любовь, подойдя к Картавину, прижавшись, обняла его.

Увидев, что она еще не одета, резко отстранил ее от себя, вырвал из ее пальцев дымящуюся тонкую сигарету и, сломав пополам, нервно вдавил ее в общую кучу окурков переполненной пепельницы. Громче прежнего Картавин приказал ей быстро одеваться, и чтобы через минуту он ее здесь не видел.

Картавин. Где облик, а где обличье?

Несчастье гнетет, страх же подавляет.

Ночь, как бы нехотя, уступала место пришедшему ей на смену рассвету. И хотя было еще совсем темно, чувствовалось приближение нового рабочего дня. Шумом машин, свистом прибывшей электрички, сделавшей короткую остановку, чтобы впустить в свои пустые и еще холодные вагоны пассажиров, торопящихся на свою трудовую вахту. Сигналами машин, которых с каждой минутой было все больше, как, впрочем, и торопящихся и не желающих уступать дорогу машинам пешеходов, какой – то особенной для этого времени суток суетой.

– Здорово, ребята, не замерзли?

К стоящим в сторонке двум милиционерам подошел третий. Переговорив о чем – то, двое направились к выходу, третий, только что прибывший, направился к уже знакомому нам склепу и двум дежурившим у склепа цыганам.

Старший лейтенант... – подойдя ближе, представился тот. – Ну, что тут такое у вас случилось, что за проблемы? Впрочем, я уже все знаю.

Не дав времени для какого – либо ответа, Картавин тоном, не терпящим возражений, предложил им пройти к выходу, чтобы на месте все ему показали: где была машина, когда они приехали, откуда они прошли, и все, что имело бы какое – либо отношение к данному происшествию.

Милиционер, в сопровождении цыган, беспрекословно ему подчинившихся, направились к главному входу кладбища. Никто из них не обратил внимания на мелькнувший слева от них темный силуэт неизвестного мужчины. Показавшись на какое – то мгновение, он так же быстро исчез, словно растворился вместе с уходящей ночью за одним из памятников.

Из стоявшей машины навстречу им вышли Барон и Василий. Василий еще раз, уже более подробно, рассказал прибывшему милиционеру о происшествии, случившемся в три часа ночи.

Все с надеждой смотрели на него, явно полагая, что он сумеет найти тех, кто так бесцеремонно покушался на покой их родственников. Заставив себя внимательно выслушать рассказ Василия, старший лейтенант сделал какие – то пометки в своем блокноте и направился от главного входа кладбища к склепу. Следом, на некотором расстоянии от него, молча шли цыгане.

Не доходя до склепа, милиционер, подняв руку вверх, сделал знак цыганам, чтобы те остановились и не мешали ему. Затем он вернулся к ним и, обращаясь к Василию, спросил его, чего они хотят?

Как чего? Их надо найти.

Кого найти? И для чего? Что мы с вами им предъявлять будем? Покушение? Тогда поясните мне, на какое преступление? Варварство? Памятник не разрушен, все на месте.

Ничего больше не поясняя, Картавин, небрежно приложив руку к виску, резко повернулся и быстрым шагом направился к выходу. Группа цыган стояла на месте, не зная, что им дальше делать.

Белый Ангел. Сердце цыган

Сколько душ погубило богатство, спасая мир.

Подъезжая к главному входу кладбища, Владимир понял, что его встречают именно те, кому он так внезапно понадобился. Увидев группу мужчин, явно принадлежащих к цыганской национальности и смотревших в его сторону, Владимир направился к ней. Один из мужчин, немного отделившись, пошел навстречу. По всей видимости, это был тот самый цыганский Барон.

Поздоровавшись с ним и отойдя в сторону, Владимир внимательно выслушал все, о чем его рассказал Барон.

Но чем я могу быть вам полезен? Я – следователь по особо важным делам, такие случаи мы не расследуем...

Не слушая Владимира, Барон, глядя ему в глаза, пояснил, что он все прекрасно понимает. Также понимает, что этим делом милиция заниматься не будет. Это не первый случай. Есть все основания полагать, что склеп его жены уже вскрывали. Год назад.

Но где доказательства того, что его вскрывали, есть ли какие – то факты?

Нет. Это только наши предположения. Но что делать? Помоги, ромалэ. Мы дадим столько денег, сколько потребуется, хорошо заплатим. Мне сказали, что ты очень сильный сыщик и ты как – раз в отпуске. В порядке частной помощи ты же можешь?

Хорошо, но пока я ничего не обещаю, пойдем, посмотрим, что там есть.

С этими словами они направились по главной аллее, перешли на одну из занесенных снегом тропинок, ведущих к захоронению цыганских семей. Следом потянулись цыгане.

Было уже совсем светло. Вместе с ушедшей ночью ушел и ночной мороз, стало немного теплее. «Почему я приехал сюда и чем могу им помочь? Нет, надо было сразу отказаться от этого», – идя следом за Бароном, думал Владимир. Но что – то заставляло его не спешить с категоричным отказом, хотя он еще не осознавал до конца, какую помощь от него ждут эти люди. Что ж, коли приехал, надо посмотреть, чем интересны цыганские захоронения, если даже ночью кто – то стремится потешить свое любопытство, заглянув в них.

Много Владимир повидал в своей жизни разных памятников. В каждом из них раскрывалось то, что хотел передать не только ваятель, но и сам заказчик. Видел и очень дорогие, помпезные, величавые, с размахом... Такие обычно ставят так называемым браткам, чьи молодые жизни были поменяны на каменные изваяния. Но это было нечто.

Невольно остановившись, Владимир был буквально сражен красотой, величиим стоявшего перед ним ангела. Белого, как снег. Его взор был обращен сверху вниз с какой – то грустью и скорбью. И крылья. Его охватило чувство, что они укрывают не только того, кто похоронен здесь, но и того, кто стоит сейчас перед ним. Им овладело состояние беззащитности, покорности. Владимир стоял на некотором возвышении, но совершенно этого не ощущал.

Какое – то время, как бы забыв обо всем и о том, для чего он здесь, Владимир завороченно смотрел на ангела.

– Барон, где инструменты и прочее, что тут оставили ночные гости? – продолжая еще некоторое время любоваться изваянием, спросил Владимир.

Ему никто не ответил. Почему – то стояла глубокая тишина, все молчали. Повернувшись к цыганам, Владимир увидел, что они с каким – то немим удивлением смотрели в одно место – туда, где, видимо, должно было лежать то, о чем он спросил.

Переведя взгляд с их лиц туда, куда были устремлены их взгляды, Владимир отчетливо понял, почувствовал, каждым нервом своим, что вот оно, это новое и неизвестное для него пока дело, уже начинается. Не было необходимости спрашивать, что произошло: случилось то, чего не должно было случиться.

На том месте, где, по словам цыган, лежали ломы, лопаты и прочий инструмент, оставленный неизвестными, было пусто. Только пятно, чуть темнее чистого бетона, слегка припорошенного утренней свежестью снежной поземки.

– Где? – не понятно кому именно был задан этот вопрос Бароном.

Ответ на него интересовал всех. Цыгане стояли в каком – то оцепенении. Владимир молча смотрел на них, уже понимая, что произошло. Он уже чувствовал, что ему это очень интересно и что он им нужен. А может быть, это уже нужно ему?

У стола, находившегося на территории склепа, лежали пластиковые стаканы. Ни бутылок, ни закуски, оставленных, по словам цыган, неизвестными, на столе не было. Владимир попросил принести пластиковый пакет, куда аккуратно вложил эти стаканы.

Выяснив все, что произошло за эти несколько часов после того, как они вызвали милицию (кто здесь был, что именно делал и другие, на первый взгляд малоинтересные факты, которые могли бы быть полезными), Владимир понял, что включился в работу. Не обещая ничего Барону, он подсознательно, на уровне профессионального рефлекса, уже дал ему свое согласие.

У него не было никакого плана. Только вопросы. Одни вопросы. Почему исчезли ломы, лопаты, трос и домкрат? Что стоит за этим? Ведь при данных обстоятельствах, никто бы и не искал хозяина лопат. Это факт. Только в крайнем случае. Если бы было само преступление, но в данном случае... странно все это. Чего так испугались ночные кладоискатели? Зачем они – а кто, кроме них – возвращались?

Приезжали два милиционера, кто – то из патрульной службы, наверняка. Последним был еще один, он был совсем недолго. Представлялся, но ни звания, ни фамилии цыгане не помнят. Рядом с ним были цыгане. Он не мог. Да и зачем это ему нужно? А может быть, и не так? Ладно, это выясним позже. Заявление, со слов Василия, передано дежурному по РОВД. Оно должно быть зарегистрировано. Так, что дальше?

Кто был ночью? Трое. Почему трое, может, больше? А, это стаканов три. Ну, ладно, пусть их трое. Кто они? Наверняка, из тех, кто знаком с работой тех же, так называемых, могильщиков. Специфика этой работы весьма узкая, надо знать не только некоторые особенности вскрытия склепов, но и все привести в надлежащий порядок. Притом ночью. Для этого надо иметь особые нервы или вообще их не иметь. Кто из нормальных людей может пойти на такое дело?

Что еще? Может, там были какие – то ценные вещи? – это надо выяснить у Барона. Если да, то это вполне естественно. Не пойдут на такое дело, не зная, что там есть что – то ценное. Драгоценности? Да, конечно. Стоп. Это, во – вторых. Их наличие. Значит, надо искать того, кто об этом мог знать. Если появились вопросы, значит, на них надо найти ответы.

Но что сейчас делать? Этого Владимир пока не знал.

Так размышляя, Владимир машинально взял следующую сигарету, как вдруг увидел, что стоит у склепа, где похоронена жена Барона. «Почему я здесь стою? – подумал Владимир. Вокруг него на снегу валялись около десяти окурков. Его окурков. – Сколько прошло времени, если столько искурил? Что делать?» – который раз он задал себе этот вопрос. Словно прочитав его мысли, а может, он произнес их вслух, услышал ответ:

Искать. Их надо найти, брат.

Повернувшись, Владимир только сейчас заметил, что позади него стоит Цезарь. Это он ответил на вопрос. Вместо него. Это он назвал его братом. Это к его помощи он воззвал.

Вскрытие склепа. Скорбная весть

Никогда не ломайте забор, не узнав, зачем его поставили

Что же делать? Милиция таким делом заниматься не будет, в этом Владимир был уверен. Если даже и возбудят уголовное дело, оно будет прекращено за отсутствием состава преступления. Факт. Как же заставить их заняться этим делом? Привлечь внимание общественности? А что, неплохая мысль...

Владимир вспомнил о своем знакомом, работающем на телевидении в программе «Вести», и, уже набирая его телефон, молил Бога об одном – только бы тот ответил.

Телефон долго не отвечал, как вдруг, словно Бог услышал молитвы Владимира, ответил тот, который ему так был нужен.

– Игорь, привет, это я. Дело есть, нужна твоя помощь.

Тебя интересует тема, касающаяся варварства? Что, даже очень? Тогда слушай.

Повернувшись к Барону и глядя ему в глаза, Владимир сказал тоном, не терпящим возражений, что если он очень хочет найти тех, кто так цинично и нагло пытался вскрыть склеп, то должен сделать то, что ему сейчас скажет Владимир. На что Барон в полной решимости заверил, что сделает все, что потребуется. И тут же добавил: он знал, что Владимир ему поможет.

Тогда слушай, сейчас ты...

Барон подозвал брата, что – то сказал ему, после чего Василий быстрым шагом направился к выходу с кладбища. Через полчаса он вернулся и, подойдя к Барону, что – то ему прошептал. Барон, посмотрев на Владимира, кивнул головой, дав ему понять, что... Владимир уже знал, что сейчас придут рабочие кладбища, которые будут вскрывать склеп. Не этот склеп. А тот, где захоронена жена Барона; тот, который, по мнению Василия, год назад был кем – то вскрыт, но тогда ему никто не поверил: ни милиция, ни Барон.

Владимир, конечно, не спрашивал, сколько цыгане уплатили рабочим, только они были значительно быстрее, чем он мог себе предположить. Их даже было значительно больше, чем требовалось. Они стояли и ждали команды, чтобы приступить к работе, но пока этой команды не было.

Стояла тишина. Все просто молчали и чего – то ждали. Никто не знал, чего именно ждали. Либо кого ждали. Знали только Владимир, Барон и Василий.

Смотри, брат, кажется, это они, – проговорил Барон.

С главной аллеи, переходящей в тропинку, приближались три человека. Один из них нес на плече видеокамеру; ту, которую обычно вот так, профессионально держат работники телевидения. Рядом с ним – другой мужчина. Он тоже что – то нес, похожее на небольшой саквояж. Немного позади них – молодая девушка, держащая в руке приготовленный, видимо, заранее, микрофон. Было понятно: это те, которых они ждали.

Привет, – с ходу поздоровался Игорь. – Ну что, вы готовы?

Да, у нас все готово.

Тогда приступаем, – подытожил Игорь и, повернувшись к девушке, подал понятный только ей знак.

Здравствуйте, уважаемые телезрители, – начала та репортаж. – Мы снова с вами. Как вы уже знаете из предыдущих наших передач, рядом с такими преступлениями, как убийство, бандитизм, рэкет, вымогательство, все чаще появляется иное – варварство. Все чаще мы становимся свидетелями...

Владимир смотрел на эту молодую девушку, других телевизионщиков и удивлялся, как быстро они умеют перестраиваться, ведь только что они вернулись с мест событий иного характера, и тут же, вот так, сразу. Да, это профессионалы своего дела.

Сейчас мы вместе с вами увидим следы еще одного преступления, имя которому – варварство, разрушение – продолжила девушка, после чего выключила микрофон.

Оператор, снимавший ее в это время, отключил свою видеокамеру, аккуратно снял ее с плеча и положил на стол, где уже стоял их так называемый саквояж.

Ну что, Барон. Как договорились, пусть вскрывают склеп твоей жены. Этот склеп, я думаю, нет необходимости смотреть. Понятно, что его не успели вскрыть.

Барон молча согласился с мнением Владимира и так же молча дал знак рабочим, которые уже устали стоять. Замерзнув от безделья, они прыгали на месте, хлопали друг друга по спине и ждали команды.

Пока шли подготовительные работы, работники телевидения сделали отдельные записи видеосъемок Барона, его брата Василия, рассказавшего о своих подозрениях и сегодняшнем происшествии.

Остальные наблюдали за рабочими, которые уже не только убрали могильные плиты, слой земли, песка, щебня, но и тяжелые, пропитанные креозотом, шпалы. Под ними оказался еще один ряд.

Чем ближе подходила к концу работа, тем тревожнее было на душе Владимира. Как только приподняли первую шпалу, оттуда, как из преисподней, повеяло неизвестностью. Виделся только черный зев склепа. Если убрать еще одну, две шпалы, можно будет увидеть, как пробыла, но не прожила же, все это время, похороненная жена Барона. Только сейчас Владимир заметил, что вокруг было много людей. Откуда они, кто их сюда приглашал? И что они здесь делают?

Стояла тишина, никто не смел ее нарушить. Взгляды людей были устремлены туда, где ощущалось только тяжелое дыхание рабочих и был виден окутавший их спины пар.

Эта была уже целая толпа, плотным кольцом окружившая склеп, каждому хотелось – ведь не всегда можно увидеть подобное – заглянуть туда, посмотреть, как там та, которая...

Разве можно упустить такой случай – увидеть, что с тобой будет, вернее, с тем, что останется от тебя после земного пути через год или два, ведь все мы не вечны в этом мире?

Только сейчас Владимир обратил внимание, что это, в основном, были цыганки. Откуда они появились? Да еще, похоже, незаметно для всех.

Вскрытие склепа снималось на видеокамеру. Владимир все это время стоял за спинами людей. Не мог заставить себя подойти ближе. Да и зачем? Если что обнаружится, он узнает и так.

Вдруг раздался душераздирающий крик. Крик ужаса, крик нечеловеческого страха и боли. В той тишине этот крик был полной неожиданностью. Все, кто в это время был среди желающих увидеть что – то необычное, разом отхлынули от склепа, от этой страшной картины, которую они там, в темноте, увидели. Но что они там могли увидеть, что их так могло напугать?

У склепа никого не было. Всех, кто до этого, давя друг друга от любопытства, находился рядом, словно ветром сдуло от частично вскрытого склепа. Вся любопытствующая до этого толпа вмиг оказалась на безопасном расстоянии от него.

Владимир увидел бледное лицо девушки, которая только что проверила и просмотрела сделанные ранее видеозаписи. Держа микрофон наготове, она была уже готова подойти ближе к склепу, но, ошеломленная криком ужаса толпы, бледная, стояла в стороне, не решаясь пошевелиться.

У склепа остался только один человек. Барон молча смотрел туда, вниз. Что он там видел?

Пересиливая какой – то непонятный страх увидеть нечто, стараясь не смотреть туда, куда подсознательно все же хотелось хоть мельком взглянуть, в этот притягивающий своей неизвест-

ностью открытый потолок склепа, Владимир подошел к нему. Еще до конца ничего не понимая, он почувствовал, как по его спине пробежал жуткий, холодный озноб...

«Оставь надежду всяк сюда входящий»

И камни возопили.

Что такое пенициллин? Нет, не тот, который продается в аптеках. А тот, из которого производят аптечный препарат? Это слой похожего на вату мягкого, сырого, пухлого вещества. Такое вещество можно увидеть в непроветриваемом погребе, где очень мало вентиляции и преобладает сырость. Но не в таком количестве.

Первое, что бросилось в глаза – стены, покрытые толстым слоем этого белого, сырого, несколько прозрачного вещества. Но пол склепа был чист. Если не считать, что он был укрыт сплошным слоем каких – то бумажек. И только приглядевшись, можно было догадаться, что это денежные купюры. Их было очень, очень много.

Позже Владимир узнал, что, по обычаю цыган, при захоронении, перед тем, как навсегда закрыть склеп, туда бросают денежные купюры. Их бросают все, кто пришел проститься и проводить в последний путь усопшего. Причем оказывая дань уважения, бросают крупные денежные купюры.

Присмотревшись, можно было уже угадать не только очертания, но и назначение отдельных предметов. Но что – то мешало увидеть, нет, не ту, которую вынуждены были побеспокоить, а сам гроб, который должен быть в центре склепа. Но его не было. Может, это и вызвало тот ужас и дикий, необузданный крик цыганок, когда они увидели пустое место?

С немым вопросом, словно спрашивая, а где же она, где же гроб, Владимир посмотрел на Барона. Не замечая его, тот молча смотрел туда, вниз, и молчал.

Что было там, в глубине склепа, видно не было. Скорее всего, гроб находился именно там, в глубине... Ну не переселилась же она сама в иное место.

Рабочие, которые после душераздирающего крика женщин в одну секунду покинули место вскрытия, стояли на расстоянии и нервно курили. Никто из них не желал больше не то чтобы спуститься туда, вниз, но даже и приблизиться к склепу.

Повернувшись к оператору, также застывшему в немом ожидании на расстоянии, Владимир попросил его подойти ближе, чтобы попробовать опустить туда фонарь. Но из этого ничего не получилось.

Перед всеми, кто все это успел хоть мельком увидеть, стоял один вопрос, где же гроб? Почему его нет на месте? Куда он исчез? Чтобы выяснить это, необходимо было поднять еще хоть одну шпалу и заглянуть вглубь этого страшного склепа. Но, как уже говорилось, ни один из могильщиков не хотел продолжать работу.

Никто не знает, каким образом Василий смог уговорить рабочих, что пообещал и сколько, но они с неохотой, даже какой – то опаской подошли к склепу. Согласились поднять еще пару шпал, но чтобы спускаться туда, – Боже упаси, ни за какие деньги.

Люди вновь, пересилив животный страх обыкновенным человеческим любопытством, постепенно, все ближе и ближе, чувствуя локоть соседа слева и справа, подходили к склепу, окружив его, как несколько минут назад, сплошным кольцом.

Лишь только была приподнята еще одна шпала, в глубине склепа, освещенного специальной лампой оператора, стал виден гроб. Он был открыт. Крышка гроба валялась чуть дальше, у задней стенки склепа. Но самое ужасное, это...

Много дней стояла эта картина перед глазами Владимира. И хотя с нервами у него в порядке, всякий раз, когда невольно вспоминал об этом, по всей спине у него пробежал озноб. Должно было пройти какое – то время, чтобы без содрогания можно было описать увиденное, ужас картины, открывшейся в склепе в то зимнее, холодное утро.

Было такое ощущение, что усопшая сама откинула крышку своего гроба и, как бы решив перевернуться, перекинула то, что когда – то было ее правой ногой, через его левый борт. После чего она перекинула еще и свою правую руку, которая так и осталась лежать на борту гроба. Бросалась в глаза открытая, словно в улыбке, челюсть почти сгнившего, почему – то зеленого цвета, трупа. Там, где должны быть зубы, их не было. Как Владимир узнал позже, у нее все зубы были золотыми. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в полном отсутствии на ее пальцах – костяшках каких – либо украшений. Вот в таком положении она и оставалась лежать в открытом гробу. Как будто знала, что придет время и ее вновь поместят, уложат в гроб так, как присуще лежать там всем покойникам.

Владимир невольно вспомнил байки из склепа, которые не раз смотрел по телевизору. Мысленно он представил себе, как сама покойная переставляет свой гроб ближе к стене, чтобы ей было удобнее, комфортнее. Для этого она пыталась встать, но не смогла, да так и осталась лежать в этой неудобной позе, как бы обняв борт своей последней постели.

Вновь заголосили цыганки, мужчины по очереди подходили, смотрели на этот ужас – бездна воззвала к бездне – и, так же молча, отходили от зияющего своим открытым зевом склепа.

Сразу стало понятно, что подозрения Василия оказались не напрасными. Склеп вскрывали. Взяли все, что было на трупе... На когда – то прекрасной цыганке Раде...

Отсняв свой репортаж, Игорь подошел к Владимиру и, перед тем как попрощаться, убедительно попросил держать его в курсе дальнейших событий, если они, конечно, будут.

Разошлись цыгане и любопытные зеваки; рабочие вновь укрыли шпалы, засыпали и закрыли склеп; установили все, как было прежде, здесь же распили несколько бутылок водки; и так же, в полном молчании, получив расчет за проделанную ими работу, покинули это ужасное место.

Барон и Василий сидели на скамье у стола. Не закусывали, молча пили водку.

О чем – то думал и что – то шептал про себя Барон. Что он говорил, кому – никто не слышал. Может, просил прощения у нее? Да мало ли что может думать и с кем про себя говорить после такого потрясения, если не сказать, шока, человек?

Подойдя к нему и положив руку на плечо, Владимир тихо сказал, что будет у него вечером, а сейчас он должен побывать в РОВД.

В гостях у Барона. Подсказка Рады

Безнаказанность преступника, все равно, что овал для актера

Только вечером Владимир, наконец – то, подъехал к дому Барона. Вернее, не к дому, а к особняку. За высоким, из красного кирпича, забором видна была только часть крыши.

Не успел достать сотовый телефон, как бесшумно открылась калитка. К машине подошел черноволосый молодой человек, который, вежливо поздоровавшись с Владимиром, предложил ему следовать за ним. Как он понял, его уже ждали.

Идя следом, Владимир сразу догадался, что здесь есть камеры наружного наблюдения. Интуиция не обманула его, он не только заметил сверху движение скрытых от посторонних глаз приспособлений, но и убедился в правильности своей догадки окончательно, зайдя в просторную, по размеру спортивного зала, гостиную, в углу которой стоял монитор. Мельком взглянув на экран, увидел не только свою, припаркованную к воротам автомашину, но и значительную часть дороги, проходящую рядом с домом Барона.

Удивлению не было конца. Роскошь, царившую в этом доме, трудно описать. В глубине гостиной стоял длинный, огромных размеров стол. По его периметру – мягкие, с высокими спинками, стулья. Во главе стола сидел Барон. С появлением Владимира он приподнялся и жестом руки пригласил его к этому столу. Рядом с ним – Василий, которого Владимир узнал сразу, как только вошел. Еще двое, сидевшие за столом, ему были не знакомы.

Стол был роскошный. Белоснежная, профессионально сервированная посуда, разные по своей принадлежности бокалы прекрасно сочетались с белоснежной скатертью. Фрукты, как неотъемлемая часть, находились в широкой вазе. Здесь была холодная рыбная, мясная, а также иная закуска. Вспомнив, что сегодня ничего с утра не ел, Владимир, незаметно сглотив слюну, отвел взгляд от изобилия, царившего на столе.

Массивная, широкая лестница, занимавшая треть помещения, чуть изгибаясь, вела куда – то вверх, где, видимо, находились комнаты для отдыха.

Цыгане, по природе своей, любят золото, практически у всех, даже совсем молодых, можно увидеть не только массивные золотые украшения в виде цепей, печаток, колец, но и золотые зубы, и редко кто из них, даже в наше время, меняет их на керамику.

Но такого количества золотых вещей Владимир никогда не видел. Столовые наборы – золото. Огромные горки с посудой – обилие золота. Даже высокие, лепные потолки – позолота. Его взгляд остановился на огромных, стоящих на полу вдоль одной из стенок вазах. Их было много. Высокие и не очень. Изящные и скромные. Но все имели столько позолоты, что казалось, в этом зале горит солнце. Без единого пятнышка.

Особое место было выделено для цветов. Справа от себя Владимир увидел вдоль всей стены – взявшие свое начало от небольшого фонтана цветы. Поднимаясь от самого пола, причудливыми лианами они достигали потолка. Их было очень много.

Уловив пораженный и одновременно восхищенный взгляд Владимира, Цезарь пояснил, что это не его личное богатство, это общее, он лишь хранитель и верный страж казны его рода.

Владимир, вежливо отказавшись от спиртного, от закусок отказываться не стал, поскольку это было выше его сил. Здесь же он передал Барону и всем, сидящим за столом, что заявления, якобы написанного его братом, в милиции нет. Как, впрочем, нет никакой регистрации самого вызова милиции, которая ночью приезжала на кладбище.

Негодование Василия не было границ. Вскочив, он что – то долго кричал на своем цыганском языке, обращая при этом то к Владимиру, то к Цезарю. Резко размахивая руками, долго не мог успокоиться. Конечно, Владимир хорошо понял, что он говорил и кому. Не важно, что

он не знал их языка. Все было и так понятно. Как здесь не вспомнить Сашку! Василия никто не перебивал, никто не успокаивал. Все молчали. Молчал и Барон.

После яркой, экспрессивно выразительной речи Василия установилась тишина.

– Что будем делать, брат? – глядя на свой бокал, спросил Барон.

Вместо ответа Владимир спросил, может ли он посмотреть фотографии самих похорон? Все, какие есть?

Василий на своем языке что – то сказал только – что подошедшей женщине, которая, поставив на стол чашки, собиралась уйти. Выслушав его, молча пошла к лестнице, ведущей на второй этаж. Увидев перед собой чистую пепельницу, Владимир закурил и, который раз за сегодняшний день, вновь задал себе вопрос: что же делать?

...В дежурной части РОВД выяснить ничего не удалось. Начальник криминальной милиции Михаил, к которому обратился Владимир, был в полном неведении о ночном происшествии. Те, кто накануне дежурили и могли выезжать на место происшествия, отдыхают. Сделал попытку разыскать участкового, уж он – то, наверняка, что – то должен знать, – безуспешно. Никто не знал, как найти участкового. Его дежурство на участке, где можно с ним встретиться и что – то прояснить, только после шести вечера.

«Ну, что ж, вечером заеду на опорный пункт, попробую у него что – нибудь выяснить, – думал Владимир. – А что я должен выяснить – зарегистрирован ли вызов? И кто выезжал на кладбище? И что мне это даст? Мистическая пропажа с места происшествия лопат и прочего шанцевого инструмента, принесенного с собой ночными копателями, не вызвала никакого сомнения в том, что инструмент принадлежал этим, пока еще не известным копателям.

Почему они, а в этом не было сомнений, вернулись и забрали его? Чего они испугались? Не исключено, что этот инструмент мог принадлежать рабочим того же кладбища. Тогда можно было выяснить, чей это инструмент и как он оказался у склепа?

А может, они не возвращались и к этому причастен кто – то другой, пока еще не известный? Ведь были же те двое, из ППС? Но, со слов цыган, они не могли его забрать, так как все время находились вместе с ними. Был еще один милиционер. Но ни фамилии, ни звания его никто не помнил. Погон видно не было, их закрывал широкий воротник милицейского бушлата.

Стоп. Когда он приходил, у склепа были те двое патрульных, они о чем – то между собой говорили. Цыгане не слышали, о чем, поскольку были от них на некотором удалении. Затем те двое уехали, а третий остался. Со слов цыган, дежуривших в ту ночь, этот милиционер вместе с ними вернулся к главному входу кладбища, затем, уже оттуда, все вместе прошли к склепу.

Значит, что? Значит, все – таки был какой – то промежуток времени, когда место происшествия оставалось без присмотра. От пяти до десяти минут. Или больше? Но это не важно, пять или десять минут. Важно то, что склеп какое – то время был вне видимости цыган.

А из этого следует, что к происшедшему причастен еще кто – то, и не исключено, что этот кто – то был тем самым милиционером. Кто его вызывал, как он там появился? Почему те двое тут же уехали?

На эти и многие еще вопросы ему надо было найти ответ, – задумавшись на мгновение, Владимир вздрогнул от внезапного прикосновения к его плечу чьей – то руки.

– Пожалуйста, держите!

На столе лежал большой фотоальбом, который принесла цыганка и положила его перед Владимиром. Раскрыв альбом, он остолебенел...

С первого листа альбома на него смотрела редкой красоты женщина. Это была Рада. Ее огромные черные глаза, магически притягивая к себе, смотрели прямо на него. Словно что – то хотела ему сказать. Взгляд пристальный и неприступный. Как царевны. И словно что – то ожидающий. И как будто от него, Владимира. Она была как живая. Невольные мурашки пробежали по телу Владимир

Несколько задержав свое внимание на этом крупном снимке, перевернул следующий лист, за ним еще один, Владимир просмотрел весь альбом. Внимательно разглядывая фотографии, он уже знал, что ему искать и где. Рада сама дала ему подсказку, значит, ему легче будет найти ответы на свои непростые вопросы.

Среди прочих, две цветные, высокого качества фотографии привлекли его внимание.

На одной из них, крупным планом, – снимок лежащей в гробу жены Барона. Пальцы ее скрещенных рук полностью унизаны перстнями, кольцами. На запястьях рук – широкие, с драгоценными камнями золотые браслеты. В ушах серьги. Похоже – бриллианты. На груди длинная, не менее метра, толстая золотая цепь. Владимир не находил слов, поистине был тот самый случай: *когда говорит золото, слова излишни другие.*

Его внимание привлек необычный кулон. На фотографии было четко видно, что он сделан из сплавов двух драгоценных металлов: желтого и белого. «Возможно, – рассуждал Владимир, – белый металл – платина или серебро». По краям что – то блестело, в середине явно виделись какие – то цветные камни. Но эти камни изображали какую – то непонятную Владимиру символику. «Наверно, монограмма, видны какие – то буквы. Как бы кулон не был именным?» – прокручивал в голове Владимир. Еще не зная, какие испытания ему приготовила судьба от этой, казалось бы, случайной встречи!

Относительно драгоценного белого металла предположения Владимира были не точны. Как пояснил Барон, этот кулон сделан только из золота, желтого и белого золота, по окружности которого – бриллианты, а в середине – изумруды.

Если бы Владимир мог только предположить, чем закончится эта история. И какую роковую роль этот кулон, это украшение сыграет в его жизни! Едва ли не ставь петлей на его шее!

Такого количества драгоценностей ни на одной женщине (разумеется, живой) он еще не видел, потому и не мог понять, что именно изображено на этом медальоне.

Не менее интересной показалась ему другая фотография, на которой фотограф запечатлел группу мужчин из четырех человек. Они, одетые в черную одинаковую униформу, стояли у гроба и, вроде с удивлением, смотрели на покойную. Остальные люди, пришедшие проститься с женой Барона, как бы ушли на второй план, чуть отошли от места, где стоял гроб. Но ничего похожего на то, что этот гроб стоит в прощальном зале, не было. На общем фоне явно просматривался другой пейзаж. Зима, какие – то шпалы, рулоны рубероида, песок, и все то, что должно быть в то время, когда собираются опустить гроб туда, где ему подготовлено место. Чуть дальше, между деревьями, просматривались другие памятники.

Он перевернул следующую страницу альбома, но какое – то, пока неизвестное ему ощущение заставило вновь вернуться к этой фотографии.

Его внимание привлек один из этих четырех мужчин. Он смеялся! Или улыбался? По крайней мере, на фотографии была ясно видна его улыбка. Трое других ничем не привлекали внимания. Но у Владимира, пока еще подсознательно, к ним был уже особый интерес.

На вопрос, почему в такой траурный день этот мужчина смеется, чем вызвана его улыбка, Барон ответил, что тот, видимо, смеется всегда. Лицо у него такое. Может, травма или от рождения... кто знает? Все четверо, пояснил Барон, рабочие похоронного бюро, куда они обращались.

Но самое интересное было в том, что все эти рабочие стояли у еще открытого гроба. И не без интереса смотрели, как показалось Владимиру, не на покойную, а на те драгоценности, которые были на ней. Вполне естественно, что подобное богатство, в таком количестве, не всегда увидишь. Но что – то Владимира насторожило в этой фотографии.

– Слушай, Барон, насколько я помню, все цыгане говорили, что с покойницей прощались близкие и родные вашей семьи, когда гроб находился в траурном зале. Перед этим там же, в траурном зале, как это выразиться, на нее были надеты все драгоценности. Никого из посторонних не было. Затем там же, в траурном зале, гроб был закрыт крышкой и перенесен в ката-

фалк. Но в последний момент цыгане приняли решение нести его на руках до кладбища. И во время всей этой траурной процессии крышку гроба уже не снимали, вплоть до момента опускания его в склеп. Правильно я понял?

Все молча смотрели на Владимира, тем самым, подтверждая, что он все, ранее ими сказанное, понял правильно.

Тогда объясни мне, как это понимать?

Фотография обошла круг и вернулась к Владимиру.

Ну и что? – с недоумением произнес Василий. – Что из этого?

Но вы же мне говорили, что никто из посторонних не видел и не мог видеть эти драгоценности?

Только сейчас до них стал доходить смысл вопроса Владимира. Цыгане молча переглянулись и одновременно, с немым вопросом, который еще не успел у них родиться, перевели взгляд на него. Их и без того большие черные глаза стали еще больше и как – то слегка округлились.

– Объясни мне Цезарь, как и почему умерла твоя Рада?

Вопрос Владимира застал Барона врасплох, он мгновенно напряжился, взгляд стал непостижимо твердым и черным, как беззвездная и безлунная ночь.

– Я до сих пор ясно не представляю, почему утром Рада не проснулась. Она же ничем не болела, это какая – то тайна. Мы вечером в ресторане поужинали с одним бизнесменом, ели и пили совсем мало. В дороге Рада вдруг почувствовала себя нехорошо, ее стало тошнить, лицо побледнело. Дома она легла в другой комнате. Утром, зайдя к ней, я увидел ее мертвой лежащей на кровати. Врачи сказали, что у нее ночью остановилось сердце...

Барон замолчал, погрузился в себя. Наступила тишина.

– Я вот что не могу понять и чему нет у меня объяснения, – неожиданно охрипшим голосом продолжил Цезарь, – кулон. Он всегда был при Раде, она не снимала его никогда, даже во время сна. А здесь кулон лежал на полу, правая рука Рады, откинута с кровати, крепко сжимала кулон. Владимир, у меня возникло такое ощущение, что кулон каким – то образом воздействовал на смерть моей жены. Но ...это все лишь мои догадки. Давай закончим разговор, мне тягостны эти воспоминания!

Взглянув на часы, Владимир с удивлением понял, что прошло уже более часа, как он здесь находится: «Как быстро бежит время, а я планировал еще заехать в опорный пункт. Так крутится и крутится жизни колесо» – промелькнуло в сознании Владимира

Уже созная для чего, Владимир сказал Барону, что забирает с собой эти две фотографии.

Барон, в сопровождении Василия и еще двух молодых людей, державших в руках какие – то пакеты, проводили Владимира до ворот. Здесь Барон, прижав одну руку к своему сердцу и протянув другую, передал ему тугой и тяжелый, как кирпич, пакет.

Это тебе, брат, – глядя прямо в его глаза, сказал Барон – Аванс. Найди их. Пусть моя совесть и моя честь обретут покой. Чтобы однажды, там, на небесах, встретившись с Радой, я мог открыто посмотреть в ее глаза, которые дарили мне море ласок и нежности. И самое, главное – верили в меня, что я всегда смогу ее защитить!

Молодые люди со своими пакетами стояли рядом с машиной и дожидались, когда гость откроет двери салона. Владимир понял, что отказываться от каких – то, пока не известных ему дополнительных подарков, будет неприлично. Уже сидя в машине, поблагодарил Барона за столь щедрое вознаграждение и включил зажигание. Машина бесшумно завелась. Махнув рукой, Владимир уехал. Навстречу своей новой судьбе, описанной латинской поговоркой:» Волка за уши держать». Судьбе опасной и почти безвыходной...

Милицейский пункт. Беспокойство

Без борьбы и доблесть увядает.

Как быстро бежит время! Еще сегодня, ранним утром, когда только начинался рассвет, Владимир на машине с зажженными фарами выехал на кладбище. Но сколько событий произошло за один только неполный рабочий день! Впрочем, рабочий день уже закончился, только не для Владимира. Он планировал еще заехать в опорный пункт милиции. Может, там чего выяснит? Ну, не может же быть, чтобы такое происшествие, да еще с вызовом работников телевидения, осталось не замеченным?

Владимир ясно понимал, что даже если и встретится с участковым, это ничего ему не даст. Возбуждать уголовное дело? По какому факту? Нет, почему, факт уже есть. Более того, все это снято теми же телевизионщиками. Ну, и что из этого? – не переставал задавать себе один и тот же вопрос Владимир. Подумаешь, кто – то когда – то вскрыл склеп? Столько времени прошло. Год? Но сам факт этого уже совершенного преступления есть. Имя ему – дикость и жестокость, надругательство над покинувших сей мир дольний. Оно налицо – варварство

Но кто этим будет заниматься? Живых грабят, раздевают, убивают. Милиция не успевает не то что раскрывать эти преступления, но даже реагировать на них. Он даже и не слышал, что статистика говорит о подобных преступлениях. Знает, в отдельных странах надругательство над могилами сурово карается. Но только не у нас, не в России.

Машинально достав пачку сигарет, Владимир с сожалением понял, что она пустая. Неужели сегодня выкурил две пачки? Нет, надо завязывать с этим делом! Тем не менее, машинально перестроившись в крайний правый ряд, у первого же киоска сделал остановку.

Вот и тот дом, кажется, последний подъезд. Да, все правильно. Это и есть опорный пункт милиции. В окнах горит свет, значит, кто – то там есть.

Войдя в подъезд, сразу понял, какая из дверей ему нужна. Пройдя узкую прихожую, какие обычно бывают в квартирах пятиэтажных панельных домов, вошел в комнату. Справа от него стол, за которым сидел сержант милиции. Здесь была какая – то женщина, весьма потрепанного вида, синяя от постоянного употребления разбавленного технического спирта, с непрямым атрибутом, присущим подобному посетителю: синяками и ссадинами на лице.

Спросив Владимира: «Вы ко мне?» и правильно поняв его кивок, сержант показал рукой на стул, тем самым попросив его подождать, пока он закончит с этой женщиной очередную, воспитательного характера, беседу.

Присев на один из трех свободных стульев (все они почему – то были разные), Владимир невольно стал разглядывать кабинет участкового милиционера.

Слева – табурет, на котором стояла грязная, полная окурков пепельница. Пока представитель власти что – то говорил, по мнению Владимира, ничего не понимающей женщине, он изучал окурки. Среди них лежит почти целая, с остатками губной помады, тонкая сигарета. Какая – то дама не успела ее докурить, видимо, очень спешила. Вон, как сильно ее вмяли, даже сломалась посередине.

Закончив воспитательный процесс, записав что – то в свой журнал, лежащий на столе, с последним китайским предупреждением сержант отпустил предмет своего воспитания домой и с немым вопросом посмотрел на Владимира.

Тот представился и рассказал о происшествии, случившемся сегодняшней, уже прошедшей ночью (причиной которого, собственно, и послужил его визит). Но по реакции милиционера понял, что делать здесь ему больше нечего. Сержант был в полном неведении. Не знал он, где сейчас участковый и когда он будет. Тот участковый, который, возможно, приходил на место происшествия.

– Странно. Никто ничего не знает. Мистика, да и только.

Посоветовав сержанту просмотреть вечерние теленовости, оставив свою визитку и попрощавшись, Владимир вышел на улицу.

Закурив очередную сигарету, он краем глаза увидел в ярко освещенном окне спину того, с кем он только что беседовал. Сержант с кем – то говорил по телефону, показывая при этом левой рукой в сторону улицы. Туда, где, по его мнению, сейчас должен быть Владимир.

Владимир интуитивно понял, что этот разговор касается его. «Если нет, почему он так жестикулирует, словно говорит обо мне? Или я уже все придумываю? Мне это просто показалось?» – подумал он.

Несколько отойдя от ярко освещенного места (чтобы его не было видно, если сержант вдруг повернется к окну), Владимир понял, что отсюда ничего не услышит. «Да и зачем мне это? – раздосадовался он на себя. – Я просто устал. На сегодня все, пора домой. Хочу мира, а он начинается с дома».

Константин. Первая ступенька

На ступеньках не сидят, по ним идут.

Сидя в уютном салоне машины, наслаждаясь бесшумной работой двигателя и тихой мелодией, располагавшей к тишине, покою, Владимир вновь и вновь задавал себе те вопросы, которые в течение этого дня не выходили из его головы.

Внезапно Владимир вспомнил, что какой – то пакет час назад ему передал Барон. Что именно передал, понятно. Но сколько? Это уже интересно.

Вытащив пакет и развернув его, Владимир понял, что это много. Ведь я ничего не сделал. И что я могу сделать? – вновь и вновь задавал себе вопрос Владимир.

Вдруг Владимир вспомнил, что цыгане положили в салон какие – то пакеты, что, интересно, там? Повернув голову, заметил небольшой целлофановый пакет. Вмиг забыв про то, что его интересовало в эту минуту, догадался, что это те самые пластиковые стаканы, валявшиеся у стола.

Как он мог забыть об этом!

Взглянув на часы, одновременно набирая номер телефона и разворачивая машину, Владимир прибавил скорость. Еще, как говорится, не вечер, с Константином надо встретиться. Сегодня. Или, может, оставить на завтра? Опять приеду сегодня поздно. Опять скандал, упреки, обвинения в измене. Боже, как все это надоело...

На проводе. Говори кратко, проси мало, приезжай быстро.

Так всегда представляется Константин, один из его хороших друзей, которого он знал уже почти десять лет. С тех времен, когда тот работал еще в районном отделе милиции. Всегда спокойный, выдержанный и рассудительный, он был приятен в общении, при этом даже в многочисленной компании, оставаясь как бы незаметным. Может, и должны быть такими опера. Звезд с неба не хватал, по головам не шел, по складу характера – не карьерист. Как получил он шесть лет назад старшего лейтенанта, так и оставался им.

Надо встретиться. Ты где?

Приезжай. На работе. Я на дежурстве.

Скоро буду.

Владимир уже мчался к нему.

Ты хоть представляешь, о чем просишь? Снять отпечатки пальчиков со стаканов. Не так все просто, как ты думаешь. Их принадлежность я еще могу выяснить, по дружбе. Если, конечно, они где – то засвечены. Но снять отпечатки, получить результат, это...

Костя, придумай что – нибудь. Ну, есть же какие – нибудь дела в производстве, приобщи эти стаканчики к ним, не учить же мне тебя, в самом деле. Это очень нужно.

Как я понимаю, тебе важен конечный результат – кому они принадлежат... а если они ранее нигде не проявлялись, тогда что?

Не надо сейчас никаких если. Это единственное, что есть, и чувствую, сама судьба мне подарила эти стаканчики. Помоги, и если они укажут на кого – то, ты мне его назовешь или их. Больше ничего не надо. Мне не нужно официальное заключение. Ты только покажешь его, это заключение. И все. А это тебе на реактивы. Я же знаю, все чего – то стоит.

С этими словами Владимир передал несколько зеленых купюр.

Все, пока. Заранее благодарю. Помни – если препятствия непреодолимо, их можно обойти.

Сон. Проповедь или Молитва?

*Сон – это лекарство,
которое иногда может быть опаснее болезни.*

Ну, вот. Сегодня, впрочем, как всегда, добрался домой поздно. Поднимаясь по лестнице и остановившись у двери своей квартиры, Владимир, не решаясь еще нажать кнопку звонка, задумался: «Может, поехать в управление, в свой кабинет?».

Уже решил развернуться, как вдруг открылась дверь. На пороге стояла жена. Его Светлана.

Понял, что она, видимо, дежурила на балконе, чтобы не прозевать его машину и успеть не только навести порядок, но и накрыть стол для ужина. При свечах. Она умела это делать.

В прихожей она стала снимать его туфли. Безропотно и покорно, хотя он и не любил этого, Владимир подчинился. Уже знал, сегодня будет не только красивый стол, но и красивая ночь. И она поведет себя не как вчерашняя львица, жаждущая страсти, а как трепетная лань, которая с такой покорностью и желанием будет не только угадывать, но и также трепетно и нежно удовлетворять все его фантазии. Будут перерывы. С перекурком на балконе, с бокалом так и не допитого вина. И вино, и близость желанного тела одинаково возбуждало и пьянило их. Они будут смотреть в ночное небо, остывать в ночной прохладе балкона после жарких объятий и сумасшедших слов, с тем, чтобы вновь вернуться и продолжить прерванную физиологическую одиссею.

Да, сегодня смотрела вечерние новости, просто ужас, там показывали какие – то могилы цыган. Мне показалось, что я видела тебя там. Ты там был или мне это показалось? Что ты там делал, родной? У тебя же отпуск. Ты не в делах.

Да, я там сегодня, вернее уже вчера, был...

Это все, что успел сказать Владимир, провалившись в одно мгновение в глубокий сон.

* * *

Ночь. Гостиница. Утром самолет. Домой. Это он проездом из Москвы, домой. Но почему он здесь, в этом незнакомом ему городе? Что он здесь делает?

Длинный коридор. Какие – то люди, похоже, они здесь живут. Владимир в своем номере. Но здесь тоже живут, их двое. Они едят что – то похожее на сырую картошку. Но почему она порезана на такие ровные квадратики? Это не картошка, это репа. Они просто голодные.

Они смотрят на него молча и улыбаются. Знают, что у Владимира в кармане пиджака деньги. Семь тысяч рублей. Почему семь? Его хотят убить.

В коридоре шум. Владимир знает, что это тот самый... который хочет с ним разобраться и который поэтому очень шумит. Кто – то ему говорит: «Иди, разберись с ним. Он всем надоел, бродит по ночам, покоя от него нет, его надо наказать».

Владимир не хочет этого, но выходит в коридор. Видит *его*... Тот идет к нему. Улыбается. Странно так улыбается, как – то криво, похоже не на улыбку, а на усмешку. Не желая драки, Владимир все же бьет его. Бьет сильно. Кругом толпа, женщины. Да, это цыганки. Их много. Они кричат: «Добей его!». Владимир не хочет этого делать. Но как только тот поднимается, Владимир с разворота сильно бьет его ногой в грудь.

Тот падает. Кровь. Но это не его кровь. Откуда она?

Милиция. Кто ее вызвал? Это те двое, которые уже приезжали. Когда? Куда они приезжали? Владимир не помнит. Но знает – это они.

Он объясняет им, что эта кровь не его, это – *его*, того, с улыбкой. Видите, он встал и ушел?

Владимир уверен, что тот будет ему мстить. Его охватывает непонятный ужас. Да и его соседи по комнате тоже хотят его убить. Им нужны семь тысяч рублей.

Владимир возвращается в свой номер. С заискивающей улыбкой говорит своим соседям по номеру, что сейчас сходит в магазин, возьмет две бутылки водки. И стаканы. Три стакана. Одноразовые. Здесь же нет никакой посуды?

Владимир, пока они ничего не заподозрили, достает из шкафа свою одежду. Одним махом, как обычно надевают свитер, через голову он накидывает на себя пиджак вместе с рубашкой и пальто. Надо что – то придумать. Что?

В торце длинного коридора – балкон. Но почему там так много людей? Опять цыгане. Он среди них. У самого края перил. Но перил нет. Стоя на самом краю, понимает, что внизу глубокая, черная пропасть. Ему страшно.

Почему они все улыбаются и все смотрят на него? Что им нужно? И что он здесь делает? Он понимает, что ему нужно уйти отсюда. Но как?

Среди них Владимир видит знакомых. Но кто они? Тоже улыбаются. И говорят ему: «Прыгай!». Нет, они ничего не говорят, как, впрочем, никто ничего не говорит, понимая друг друга без слов.

Но как прыгать? Ведь там... ужас – это склеп! А там пусто.

Рада? Но откуда ты? Ведь тебя нет.

Догнать *его*? Отомстить? Зачем? Видишь эту кровь, это *его* кровь, я наказал *его*. Нет, это не кровь, какая – то паутина. Ее много, откуда она? Владимир хочет пошевелиться, но не может, его опутала эта паутина.

Владимир понял, что умер. Он не слышит свой голос, но все понимает. Как может такое быть, чтобы люди, не разговаривая, но как – то общаясь, понимали друг друга?! Неужели меня уже нет? Это моя душа? Но почему тогда мне так страшно? Я хочу проснуться, потому что это сон, потому что так не бывает, потому что я хочу жить!!!

Рада, откуда ты? Разбуди меня, пожалуйста! Почему ты молчишь?

Владимир с ужасом осознает, что если сейчас не проснется, он никогда, уже никогда не вернется в свою жизнь, потому что его уже нет. Он умер. Он в другой – холодной, вечно темной, где все разговаривают друг с другом молча, жизни!

Владимир явно слышит свой плач. Даже не плач, а какой – то хрип. Он не хочет верить, что его уже нет. Это не сон. Это даже не он.

Но я хочу жить!!! Я хочу жить!!! Я сам себя разбужу!!!

Снова появляется Рада и приказывает: «Найди!». На ней какая – то паутина. Она показывает Владимиру куда – то пальцем и повторяет: «Догони их».

Труба. Темно. И жуткая тишина.

Владимир ясно слышит плач маленького, грудного, крошечного ребенка, который только что родился, только появился на этот свет. Это был его собственный плач.

Владимир лежал с еще закрытыми глазами, но уже явно чувствовал каждой клеточкой, каждым нервом своего еще не проснувшегося мозга, что он вернулся, вернулся оттуда... и плакал от этого счастья...

Рядом лежала жена. Ее открытые глаза были полны ужаса, она гладила его, словно маленького ребенка, по голове и шептала: «Успокойся, родной, любимый. Ты так стонал во сне, метался по кровати, тебе приснилось что – то страшное?»

Часть третья

Весна. «Кто сеет ветер, пожнет бурю»

Надпись над входом в Телемскую обитель: «Делай что хочешь»

Весна пришла внезапно. Как всегда, когда ждешь ее, и она, вот так, вдруг, раз – и пришла. Уже и солнце не просто светит, а как – то ласково и нежно греет. Все радуется, даже сосульки, свисающие с крыш домов, приносят веселое настроение.

Долгожданная весна! Она всегда приходит вместе с женским праздником? С мимозами, гвоздиками, духами, шампанским, тортами и иными подарками, какие мы привыкли дарить тем, кого так нежно любим?

Есть еще одна, уже привычная особенность, свойственная этому празднику. Именно в этот день все мужчины, словно сговорившись, переполненные чувствами к своим Афродитам и Венерам, не считая денег и не думая о завтрашнем дне, бегут в магазины. Толкаясь в огромных очередях, они стараются как можно быстрее потратить то, что есть под рукой. Вот что творит с нами весна! Она как бы создает у нас, мужчин, иллюзию о слабости женщин, а сами мы, не подозревая, состоим у них невольниками. И в то же время весна является зримым и вещным выражением двух ноток, без которых струны человеческой души не дают полного и возбуждающего аккорда. Аккорда счастья мужчины, который называется: я хочу. Аккорда счастья женщины: он хочет

Весенняя психология – это то, что манит, дразнит, увлекает туда, где, по словам поэта «...юность скрылась за горами»; приходишь домой, обрызганный по пояс грязным снегом, но не злишься и не ругаешься на чем свет стоит на незатейливого водителя... Подумаешь, мокрый и грязный снег на одежде, лице! Это же пустяки по сравнению с вечностью, имя которой Начало или Весна. Все, скоро будет тепло, сухо.

Не испортится настроение, даже если вдруг, среди ясного солнечного дня потемнеет небо и пойдет не веселый весенний дождь, а настоящий снег. Ничего, не страшно! Утром его не будет. Это точно.

В один из таких весенних дней, накануне женского праздника, Владимир по случаю дня рождения его друга Сашки приехал в кафе. Здесь были все старые друзья. Разумеется, со своими женами: Василий с Валентиной и Анатолий с Натальей. Познакомились они еще на заре романтической юности, будучи студентами, разных факультетов, но одного вуза, через стройотряды. Нет общего бизнеса, нет одного общего дела, нет зависимостей и условностей. Каждый – самостоятелен и профессионально состоявшийся, да еще Василий и Анатолий – мужья и отцы.

После неоднократных тостов, здравниц в честь именинника Владимир с Сашкой уединились в одной из курительных комнат и, как всегда, вернулись к своим проблемам по работе.

– Ну, что тебе сказать, дружище, – рассказывал Владимир. – За эти две недели практически ничего не произошло. Как ты уже знаешь, после той передачи по телевизору уголовное дело все же возбудили. Но никто этим не занимается. Участковый, не помню его фамилии, куда – то перевелся, где он сейчас работает, не знаю. Может, уехал куда – нибудь. Я с ним так и не встретился. Но кое – что у меня все же есть.

Видя на лице своего друга заинтересованность, продолжил:

Помнишь, я показывал тебе две фотографии? На одной из них снят момент перед спуском гроба в склеп: там четко видны лица всех, выполнявших эти работы. Их было четверо. Так вот, я разыскал контору, в которой они работали.

Ну, и? – не удержался от вопроса Сашка.

Трое из них работают до сих пор. Естественно, выяснил о них все, что мог, со всеми переговорил. Ничего такого, что могло бы заинтересовать меня, не нашел. Но вот четвертого, помнишь, с улыбкой, нет. Уволился. И знаешь, что самое интересное? Он уволился практически сразу после того случая. В то же время уволился и тот участковый. По – моему, здесь имеется какая – то связь. Но какая? Меня не покидает ощущение, что тот участковый каким – то образом связан с этим делом. Это все, что я имею на сегодняшний день.

А что с теми драгоценностями, которые были сняты с Рады?

После возбуждения уголовного дела с фотографии сняли копии. Со слов Барона, сделана опись всех драгоценностей, которые были на ней. Этим занимается милиция. Может, где – то что – то и проявится. Но я в это мало верю.

Это все? Вижу, ты что – то не договариваешь, дружище. У тебя что – то есть еще, о чем ты пока не хочешь мне говорить, так?

Да, Сашка, кое – что есть. Во – первых, весьма странная смерть Рады и кулон у кровати, а не шеи Рады. Во – вторых, два дня назад я поделился своими предположениями с начальником криминальной милиции Михаилом. По этому типу, с улыбкой который. Есть ли какая связь с внезапным увольнением как одного, так и второго? Пусть его ребята поработают над этим.

В этом действительно что – то есть, дружище... – согласился Сашка.

Но это не все, есть еще кое – что. Помнишь про тот кулон, о котором тебе говорил? Так вот, это не просто кулон. Мало того, что цены не имеет, он еще обладает какой – то магической силой, необъяснимой рационально, и поэтому я весь в сомнениях: верить этому или нет.

Барон советовался со мной по этому поводу, спрашивал: может, дать объявление о его пропаже? Тому, кто его найдет либо укажет место нахождения, обещана награда; ты не поверишь, Сашка, огромная награда. Я думаю, если он поместит такое объявление, этот кулон вообще может никогда не проявиться. Пропадет надолго, если не навсегда. И сама смерть Рады так и останется загадкой. Ты как думаешь, Сашка?

Сашка о чем – то думал, затем, пристально посмотрев Владимиру в глаза, в глубине которых затаились и настороженность, и обостренность, сказал:

Слушай, дружище. Мне кажется, что зря я тебя впутал... Что – то не нравится мне все это. Не спокойно как – то на сердце. Ты говорил, что ведешь свое собственное расследование. Не знаю, но, может, плюнешь на это дело, бросишь все?

Нет, Сашка, уже не могу. Обещал.

Понимаю. Ну, скажешь Барону, что сделал все, что мог. Ты же не Бог. Ты и так сделал не мало, пусть милиция и продолжает этим заниматься. Как бы ты не повредил себе, а, следак?

Не понял ты меня, Сашка. Я ей дал слово мужчины.

Кому?

Раде.

Кому? – только и смог удивленно произнести Сашка, после чего наступила минутная тишина.

Знаешь, Сашка, мне сон снился. Не помню, что именно, но... видел Раду, она показывала мне куда – то пальцем и все повторяла: «Найди их!». Я видел кровь. Понимаешь, на мне была кровь, много крови. Но не моя. Чужая. И вообще ерунда какая – то.

Немного подумав, Сашка ответил, что он не разбирается во всей этой тайне за семью печатями, но где – то слышал, что это плохо. Беда будет, когда во сне видишь чужую кровь.

Все, дружище, хватит друг другу в уши дуть, пошли к гостям. Сейчас мы с тобой выпьем коньячку, споем нашу, застольную.

Вдруг зазвонил сотовый. Номер – неизвестный. Извинившись перед Сашкой, ответил, что внимательно слушает.

С сильным акцентом южного человека (скорее всего, специальным, для подобного звонка) абонент без всяких предисловий произнес, что если он не прекратит свое расследование, то сильно об этом пожалеет.

Случилось что? – глядя на Владимира, спросил Сашка.

Да нет, бред какой – то. Ничего не понял.

Сашка даже не заметил, что сегодня Владимир не пил. Во – первых, за рулем, во – вторых, завтра, с утра, у него намечалась серьезная встреча. Два часа назад позвонил Константин и сообщил, что для Владимира есть что – то очень интересное, и утром он должен к нему подъехать.

Посидев еще какое – то время, гости, простившись с Сашкой, который вышел их проводить, разъехались по домам.

Конфликт. Grimасы любви

*Даже в раю женщина способна
превратить жизнь мужчины в ад.*

Как всегда, чуть выпив, всю дорогу жена выясняла, куда Владимир выходил с Сашкой, с этим котом мартовским? Нет, она его очень уважает, но считает, что он – как все мужики... А у всех мужиков, в ее понятии, одно на уме. Она все знает, знает всех женщин, которые постоянно их окружают и с которыми они спят. Им нужны только их деньги, и когда они это поймут, будет поздно.

«Все, – с отчаяньем подумал Владимир, – началось. Спокойной ночи уже не будет. Уж лучше мне попасть в руки убийцы, чем стать предметом ее негодования» Но так этого не хотелось, ведь прошло всего несколько дней после последнего подобного концерта. Старался молчать. Не помогло.

Почему молчишь? Нет, ты скажи правду.

Какую правду? Я устал, Света, давай поговорим завтра, ладно?

Вновь зазвонил телефон. Не успел вытащить его из кармана и ответить, как вдруг жена вырвала его из рук Владимира и попыталась что – то кому – то ответить вместо него. Из этого ничего не получилось, так как телефон автоматически отключился, что ее еще сильнее разозлило.

А почему она молчит? Я ей все скажу, этой...

Дальше последовали выражения, которые может родить только та женщина, которая отдала себя, свою молодость, свое сердце, всю свою жизнь неблагодарному, неспособному это оценить изменнику.

Вновь зазвонил телефон. Все так некстати.

Жена чуть успокоилась. Но услышав настойчивый вызов телефона, вмиг ожила, львицей рванула к Владимиру и, выхватив телефон из его рук, заплетающимся языком ответила кому – то, что она очень внимательно *ее* слушает. Звонивший абонент, видимо, не захотел с ней общаться и, как понял Владимир, молчал. Но она молчать не могла. И все, что хотела *ей* сказать, сказала. Всю правду. В трубку телефона. Говоря по телефону, а правильной будет сказать в этой ситуации в телефон, не заметила, что он выключен, как, впрочем, не заметила, что разбила Владимиру очки: когда выхватывала его телефон, зацепила пальцем дужку его очков. Они еще не приземлились, как он понял, что им все, конец. Это были его последние пасхальные, как там, в анекдоте, очки.

У него уже целый дипломат сломанных очков. Женская слабость у нее такое – бить и ломать очки. Она называет это Правдой апостола Петра:» Воздастся каждому по делам его», уже хорошо зная эту ее слабость, возводимую женой в непререкаемое достоинство и достоинство, Владимир старался их загодя снимать. Но сейчас, увы, не успел.

Слава Богу, сегодня успокоилась раньше. Обычно это до утра. Значит, звона битой посуды сегодня не будет.

Сна не было. Поняв, что уже не заснет, Владимир вышел на кухню, предварительно выключив свет везде, где можно. Стараясь не шуметь, достал из холодильника коньяк, что – то из закуски, ему уже было неважно, что именно.

Его размышления прервал звонок телефона. Даже вздрогнул от неожиданности. Почему он звонит? Ведь он его выключил.

Все тот же голос, с ужасным произношением, стараясь убедить Владимира, что с ним говорит человек, как сейчас принято говорить, кавказской национальности, предупредил: что если он не оставит своей затеи, ему будет очень плохо. Более того, утром он сможет убедиться в том, что с ним не шутят, а по – дружески предупреждают. Не дослушав, Владимир со злостью выключил телефон. Резким движением опрокинул рюмку коньяка, вторую. Пришло в голову, что алкоголь – визитная карточка безволия. А думать уже ни о чем не хотелось. Точка. Надо очистить голову от всех примесей и шлаков, их стало так много, словно пчел в улье. Шумят, давят. Люди давно подметили, поймал себя на последней мысли Владимир, что алкоголь вполне надежное средство, когда требуется поубавить ума. И это еврейское, одобренное Талмудом, а затем подхваченное римлянином Плинием старшим, что «Истина в вине». А ведь истина есть мое точное знание о действительности, а оно, мое знание, моя истина сегодня такова: я знаю, что ничего чертовски не знаю, не понимаю...

Заснул лишь под утро.

Халдейский провидец. Или Константин

*Кружит, кружит в небе сокол,
не слыша звука взводимой пиццали.*

Несмотря на светлое и очень теплое утро, обещающее хороший весенний день, настроение у Владимира было ужасным, как в таких случаях сказал бы Сашка, депрессняком тянет. Выпив чашку кофе и вспомнив, что его ждет Константин, так как он что – то для него имеет, быстро собрался и вышел на улицу. Подходя к машине, не сразу понял, что произошло. Она какая – то низкая. Когда обходил вокруг нее, увидел, что все четыре колеса спущены.

«Что это? Шутка? Не похоже. Больше смахивает на то, что это вчерашнее предупреждение неизвестного приведено в действие. Опять вопрос – что же делать? Ну, почему в последние дни у меня все чаще появляются эти вопросы? – нервничал Владимир. – Что делать? Да плевать я хотел на все. Надоело. Ничего не хочу. Гори все ярким пламенем. Все, моему терпению пришел конец – надо «отрясти прах от ног своих».

Настроение, подпорченное ночным выяснением отношений по поводу его верности, испортилось окончательно. Едва ли не глубокая скорбь, словно «посыпал голову пеплом».

* * *

Привет, Костя! Извини, задержался немного. Угости кофе.

Молчаливый по натуре, тактичный и мудрый не по годам Константин, как всегда, сварил настоящий натуральный кофе.

Костя, не тяни, что у тебя есть; ведь знаю, ты что – то для меня приготовил.

Без лишних слов Константин положил перед другом заключение. Быстро перелистав несколько скрепленных листов бумаги, Владимир увидел то, что ему очень было нужно. Интуиция не подвела. Отпечатки, оставленные на одном из стаканов, принадлежали...

Здесь была полная информация о том, кому они принадлежали. Где родился, где крестился, когда и за что привлекался, его связь с... В общем, все, что имелось на этого гражданина.

Ознакомившись с материалами документа, Владимир вернул их Константину, получив взамен готовые ксерокопии.

Спасибо, друг. Ты мне очень помог.

Ты уверен, что тебе это нужно?

Эти слова стали для Владимира полной неожиданностью. Немногословный Константин, тем не менее, умел порой задать вопрос, на который сразу ответить было непросто. Вот и сейчас Владимир не знал, что сказать. Состояние, в котором он пребывал, как никто другой, верно выразил Н. Гоголь: «ни то... ни се... а черт его знает что».

Однажды, еще работая в уголовном розыске, тот позвонил Владимиру и просто спросил, планируется ли у него сегодня в двенадцать часов служебная встреча? Владимир сразу и не понял, о какой встрече речь идет. Действительно, в двенадцать планировалась встреча, обычный допрос подозреваемого, так, ничего серьезного. Но чем она могла для него закончиться, этот ничем не примечательный допрос, он понял только позднее.

А что? – только и спросил его.

Да ничего. Просто ты сегодня отмени следственное дело. Не надо.

Все. Больше ничего сказано не было. Только потом Владимир понял, как ему помог друг. Он спас его: готовилась западня, дача взятки с помеченными купюрами. Причем, в расчет

не шел отказ Владимира, нужен был сам факт наличия крупной суммы в портфеле подозреваемого.

Вот и сейчас спросил, а нужно ли это ему?

Действительно, а нужно ли мне это? Хорошо, Костя, я подумаю. Спасибо за кофе, до встречи. Лиха беда – начало, а там посмотрим...

Сомнения... спасает только вера

*У солнца один только недостаток:
оно не может видеть самого себя.*

Ничто не радовало Владимира в тот день. Даже то, что он приготовил для Барона. Догадывался, что ждет того, о ком он сегодня должен был передать информацию.

Владимира не покидали сомнения. Хотя и понимал, что усомниться – это значит утратить веру.

«Ну и что делать дальше? Что мне делать с этим? Передать все – таки информацию об одном из варваров Цезарю? Или промолчать? – не переставая, задавал Владимир себе одни и те же вопросы. – Может, поговорить с начальником криминальной милиции? На меня он произвел хорошее впечатление. Ему можно верить. Пусть они дальше этим занимаются, это же их работа. Но как я ему объясню, что я следователь и как я ввязался в это дело, как попал ко мне этот документ, откуда владею информацией? Кто мне помог? Значит, сдать своего друга? Наверняка эти стаканчики Костя присовокупил к какому – то делу. Ради меня, ради нашей дружбы он пошел на такой шаг.

И потом, эти самые, изъятые мной, одноразовые стаканы нигде официально не зафиксированы. Нет ни акта их изъятия, ни акта осмотра места происшествия, короче, ничего нет. Как я смогу доказать, что эти стаканчики с места происшествия?

Положим, даже найдут этого бандита. Что они, пытать его будут, добиваясь признания? Конечно, нет. Да и кто искать его будет!

А что я мог сделать в то утро? Когда вдруг все исчезло – лопаты, ломы и прочее. Исчезло то, что могло бы иметь хоть какое – то отношение к тому происшествию? Это все, что я успел тогда сохранить. Более того, там была милиция, но они ничего... даже обращение цыган в милицию нигде не регистрировали. Случайность? Не похоже.

И после всего этого передать эти стаканчики милиции? Да, я обязан был сделать все по Закону. По какому Закону? Хватит врать самому себе. Что я обязан был сделать? Да ничего. И, вообще, я ничего никому и ничем не обязан. Все, хватит на сегодня. Я в отпуске, я вне дел и вне забот». Глубоко вздохнул, затаив дыхание, и обратился к себе: «Владимир, ты же понимаешь, что быть слишком недовольным собой есть слабость, а если попробуешь быть слишком сомнительным – это уже глупость».

Стараясь уйти от всех этих проблем, Владимир попробовал переключиться на иное настроение. Но не получалось. Вспомнил чье – то выражение о том, что сомнения для души, это то же самое, что для тела допрос с пристрастием. Ощутил некоторое напряжение в мышцах, почувствовал, как по коже пробегают, словно пущенные токи, то усиливаясь, то исчезая, короткие вибрации

«Сейчас надо заняться колесами. На СТО не доеду, порежу резину. Вызвать СПАС? Да, это выход», – подняв руку, Владимир остановил машину. Дорогой набрал номер СПАС.

На удивление, служба спасения приехала очень быстро. Так же быстро подкачали все колеса. Каких – либо проколов, порезов не было.

* * *

Лишь к вечеру Владимир приехал в следственное управление. Кроме Татьяны, самой молодой сотрудницы, студентки – стажера, здесь уже никого не было. Он постоянно поражался ее работоспособности. Несмотря на то, что жила она где – то очень далеко, на окраине города, приезжала Татьяна на работу раньше всех, а уезжала позже всех.

Зная о том, что она учится на последнем курсе юридического института, Владимир видел: девушка иногда делает на рабочем месте какие – либо институтские работы, но делал вид, что не замечает этого. Даже не подходил тогда к ее рабочему столу, чтобы ненароком не поставить ее в неловкое положение. Ведь поэтому она и остается после работы, чтобы все успеть.

Владимиру ее немного жалко. Таня безумно влюбилась в Константина...

Когда Костя первый раз появился у него в кабинете, то увидел ее глаза. И все понял сразу. Хотел даже поговорить с девушкой, ведь у него семья и все это безнадежно. Не смог. Да и зачем? Костя очень порядочный, не из тех, которые пользуются ситуацией.

Попросив у Татьяны чашку кофе, Владимир прошел в свой кабинет. Только здесь он чувствовал себя спокойно. Никто не мешает думать, работать. Можно немного расслабиться.

В приоткрытую дверь вошла Татьяна. Поставив чашку кофе, передала, кто приходил, звонил, спрашивал, пока он отсутствовал.

Поблагодарив, спросил ее:

– Ты еще здесь поработаешь или – домой?

– Поработаю немного, – с улыбкой ответила Татьяна.

Закурив сигарету, сделав глоток свежего кофе и откинувшись немного в кресле, Владимир почему – то подумал: вот, достанется кому – то это чудо. Славная, хорошая и не испорченная городом девушка. Дай Бог ей счастья.

Тут же переключился на текущие дела. Достав ксерокопии заключения, переписал на отдельный лист необходимые сведения. Еще раз более внимательно изучил то, что отражалось в нем.

Так, родился, фамилия, имя, отчество. Кличка, погоняло, как говорят блатные, – Прыщ. Где, когда и за что.

А вот это то, что нужно. Место регистрации матери, отца нет, нет ни братьев, ни сестер, одним словом, круглый сирота. Кукушонок. Подкидыш. Проживает... так, его связи...

Таким образом, Владимиру стал известен один из тех троих (как он ранее и предполагал), которые были в ту ночь на кладбище. Он оставил пальчики на одном из стаканов. Обыкновенный вор, по кличке Прыщ, отбывал еще по малолетке, неоднократно привлекался.

Принадлежность других отпечатков, оставленных неизвестными лицами, не определена.

Еще раз взвесив все за и против, Владимир набрал номер телефона Барона. Ждать пришлось недолго, но что – то вдруг насторожило. Что именно? Станный посторонний щелчок, похожий на характерное снятие трубки вызываемого абонента, явно был им услышан. Хотел уже поздороваться. Но гудки продолжались. Длинные гудки.

– Слушаю тебя, брат, – ответил, наконец, Барон.

Обменявшись дежурными приветствиями, Владимир передал Барону, что у него кое – что есть, им надо встретиться.

Договорившись о встрече, Владимир выключил телефон. Его не покидала непонятная тревога, жгла под сердцем. Что именно могло так беспокоить в этот раз? Предупреждение? История с колесами?

Личная жизнь? Тревожный вопрос Константина, и не только его, нужно ли ему это? Нет, что – то другое. Но что именно? Вопрос, как с силой брошенное с заостренным наконечником копье, вонзился в голову. Морально поддержал себя фразой – все изнашивается, даже и горе, но только не дух.

Не слишком ли много знаков на коротком пути?

*То, что принято называть судьбой, в сущности
лишь совокупность учиненных людьми глупостей.*

«Почему меня постоянно не покидает чувство какой – то тревоги? Что происходит? Может, я просто устал? Мне надо отдохнуть? Да, мне надо просто отдохнуть. Куда –нибудь уехать», – но Владимир не мог себе этого позволить. Это цыганская история не отпускала его, заполнив сполна и мысли, и чувства чем – то неуловимо раздраженным, если не сказать, тревожным. Тем, что требует обязательно разрешения, иначе покоя не будет!

И почему последнее время Владимир испытывал какой – то дискомфорт? Что именно его тревожило? Личная жизнь? Тот звонок с нелепым предупреждением? Но откуда они могут знать, что он занимается поисками осквернителей могилы? Глупо. Ерунда. Стоп. Неужели...

«Неужели я на прослушке? Какой – то щелчок, затем эхо, какое – то странное эхо. Точно. Когда я говорю по телефону, сам себя как бы через эхо слышу. Как будто кто – то меня дублирует, и я слышу свой собственный голос. Такого никогда не было. И вдруг. Надо проверить», – не задумываясь, Владимир наугад набрал номер телефона. Гудки. Станный щелчок, как будто подняли трубку. Но идут гудки. Никто пока не отвечает. Наконец, кто – то ответил. Извинившись, что ошибся номером, Владимир отключил телефон. Он услышал эхо собственного извинения. – Все понятно. Меня слушают. Но кто? Кому это надо?»

* * *

С Бароном удалось встретиться нескоро. Поскольку первая половина следующего дня была занята, встретиться с ним Владимир планировал ближе к вечеру.

Как всегда, выпив чашку кофе на дорожку, собрав в свой портфель необходимые бумаги, он выехал к Цезарю. Из головы не выходил еще один из появившихся в последние дни вопросов: зачем его слушают, кому это надо? И что стоит за этими предупреждениями? На розыгрыш уже не похоже. Есть определенная связь. И связано это только с цыганским вопросом.

Невольно вспомнил разговор с Костей, его вопрос – а нужно ли это ему? У него есть какая – то интуиция. Владимир в том убедился.

Да и беседа с Сашкой не выходила из головы. Как раз в тот вечер, когда звонил неизвестный. Еще тогда понял, что акцент, напоминающий говор грузина из анекдота, – не естественный, не присущий лицам южных широт. Наиграно.

Внезапно впереди себя Владимир увидел КАМАЗ. Он даже не заметил, откуда и когда тот вдруг появился на дороге, но никак не мог обойти его. Делал левый поворот, КАМАЗ перестраивался влево. При чистой встречной полосе Владимир вновь перестраивался, набирал скорость, чтобы обойти КАМАЗ. Тот вновь занимал левую полосу. И тут же перестраивался на свою полосу, если встречная была занята.

Он что там, обкуренный?

Выбрав удобный для обгона момент, Владимир резко увеличил обороты, отчего его машина, взревев, вылетела на встречную. Но тут же он вынужден был вернуться на свою полосу, поскольку встречная вновь оказалась занята.

Вдруг КАМАЗ резко затормозил. Еще ничего не понимая, Владимир почувствовал, как его правая нога почему – то резко провалилась, педаль тормоза ушла до конца, но машина не остановилась. Сколько раз успел надавить на педаль, не помнил. С ужасом увидел, как это огромное железное чудовище стремительно летит навстречу, и казалось, нет никакой силы,

способной его остановить. Слева от Владимира что – то мелькнуло. Это встречная машина, от которой Владимир только что ушел, вернувшись на свою полосу и спрятавшись за КАМАЗ.

Владимир подсознательно сжался в комок, до боли напрягая мышцы в руках и упираясь в баранку своей машины. Стараясь тем самым как бы уйти, закрыться от неминуемого удара (хотя уже знал, чувствовал, что это невозможно, все – конец...), он закрыл в ужасе глаза...

Перед ним – уходящая вдаль дорога, по которой исчезал КАМАЗ. Вот он и скрылся из виду. Глубокая тишина. Владимир не успел даже испугаться, так быстро все произошло. Какая – то неведомая сила помогла ему. В последний миг он сумел остановить машину. Но как? Ведь тормоза внезапно отказали.

Что произошло? ... Почему он не почувствовал удар? Или ему это показалось? И что здесь делает Рада? Почему она сидит в его машине? Справа от него? И так пристально, не сводя черных, как вишневые ягоды, глаз, смотрит на него? Словно что – то силится сказать...

Выйдя из машины, Владимир осмотрелся. Из – под переднего колеса медленно выплывало что – то черно – грязное и жирное и также, медленно расплываясь по асфальту проезжей части, увеличивалось в размерах. Позади машины, протянувшись на расстояние, насколько это можно было видеть, полоса чего – то мокрого. Только сейчас Владимир понял, что это была тормозная жидкость. Неужели лопнул тормозной шланг? Обойдя лужу, нагнулся, чтобы выяснить, нет убедиться, что это – именно так.

Не надо было иметь специальные познания в том, чтобы здесь же сразу определить: шланги не имели каких – либо механических повреждений. Они имели порезы. Как один, так и другой. Остальное сделало высокое давление при экстренном торможении. Потому педаль тормоза и провалилась.

«Но как я смог остановиться? Ведь столкновение было неминуемым. Мистика какая – то, да и только. И что за знак мне подала Рада, сразу став ангелом – хранителем? Как все это правильно толковать?».

Рада. Одиночество

Одиночество – мать беспокойства.

Лишь к вечеру Владимир вернулся домой. Трехчасовое ожидание представителей ГИБДД, технической помощи; оформление разных бумаг, объяснений, пояснений и всяких протоколов настолько вымотали, что у него не было сил даже принять душ. Не раздеваясь, опустился в кресло и мгновенно заснул.

Внезапно Владимир почувствовал, что на него кто – то пристально смотрит. Открыв глаза, увидел перед собой... Раду.

Ты что здесь делаешь? Почему ты преследуешь меня? Ты меня охраняешь? От кого? Кому нужна моя жизнь? Или смерть? Чего тебе от меня надо? – прошептал Владимир

Очнись, я не Рада. И мне от тебя уже ничего не надо. Всегда хотела, чтобы ты был только мой, и я не хочу тебя ни с кем делить. У тебя нет семьи; ты весь в работе, у тебя своя какая – то личная жизнь, а я устала от одиночества; устала ждать, думать, где ты, с кем, кого сейчас. Я женщина и хочу обыкновенного женского счастья... хочу быть единственной, знать, что у меня есть ты, и только ты, но тебя нет. Я одинока. Неужели ты этого не видишь? Я больше так не могу. Не хочу мучиться и тебя мучить. Уверена, у тебя кто – то есть. Что еще за Рада? Ты только что называл меня ее именем?

Перед Владимиром стояла грустная, поникшая жена. В глазах печаль, они полны слез.

Не перебивай, я не все сказала. Уже несколько раз звонили, просили передать тебе, если ты не оставишь какое – то дело, у нас будут большие неприятности. Я не знаю, чем ты занимаешься, никогда не лезла в твои дела, потому, что ты все равно будешь делать так, как решил. А я боюсь, не хочу остаться одна, остаться ни с чем.

Слушая ее, Владимир думал: «Попробовать еще раз объясниться? Но что еще я могу ей сказать? Мы давно живем словно на разных планетах, разучились понимать друг друга. Или не хотим? Может, я этого не замечал раньше? И она права – нам надо расстаться? Но это уже было. Расставались. Совсем и навсегда. Но она вновь возвращалась».

Ты меня не слышишь. Ты думаешь о ней! Все, иди, держать не буду. А я – уеду, завтра же уеду! – уже не говорила, а кричала жена.

Слушая ее, Владимир понимал, что разговор уже не получится. Так было и раньше. Она уходила на кухню, возвращалась, чтобы продолжить скандал. Как здесь не вспомнить древнее, мудрое: «Возвращается ветер на круги своя»

Вот и сейчас, объявив ему, что она уедет, причем навсегда, договаривала эти слова с кухни.

Вернувшись вновь, уже не спрашивала – требовала дать объяснения, не давая ему что – то ответить. В глазах не было прежней печали, в них появился некий особый, до ужаса знакомый ему блеск и присущее ей в такие моменты уже не отчаянье, а решимость горячей казачьей крови. Еще немного, еще чуть – чуть, и чтобы остановиться, будет нужен звон посуды. А как иначе? Без этого не обходится ни один серьезный разговор с нею...

Укравкой посмотрев на часы, Владимир понял: уже поздно, и как – то неприлично в это время прийти в свой служебный кабинет, чтобы провести эту ночь там. Но все – таки начал собираться. Лучше бы он этого не делал!..

– Что, спешешь к ней, к этой, уходи, пожалуйста. Держать не буду. Нет, лучше я сама уйду.

Из прихожей донеслись ее пожелания: прекрасно провести ночь с одной из его очередных пассий, имя которой – Рада. Хлопнула дверь. Наступила тишина.

«Ну, вот и все. Поговорили. Почему я ее не остановил? А зачем? Может, оно и к лучшему? Рано или поздно это должно было произойти. Да и вообще, ничего уже не хочу. Надоело. Почему я должен постоянно чего – то доказывать, объяснять, оправдываться? Стучать в одни и те же двери, которые постоянно закрыты. Приоткроются и вновь захлопываются перед самым носом». Этот поэт Коган хлестко так выразил, так глубинно: «Снова мне, закусивши губы, без надежды чего – то ждать. Притворяться веселым и грубым. Плакать, биться и тосковать»

Владимиру вдруг захотелось выпить, даже напиться. Где – то была водка. Открыв холодильник, он понял, что эта самая водка, действительно, *была*. Но уже нет.

«Все понятно, картина Репина, приплыли. А еще лучше Шишкина, медведи побывали в холодильнике. Тем лучше. Попробую уснуть», – решил Владимир.

Но сон долго не приходил.

«Она что – то говорила по поводу звонков. Кто – то звонил, угрожал, я так и не уточнил у нее этого сразу. Стоп. Почему я никогда не придаю значения тому, что происходит именно со мной? Потому что со мной не может ничего произойти? А почему я в этом так уверен? Может, действительно, я кому – то сильно наступил на хвост. Так сильно, что даже не догадываюсь на сколько?» – Владимир вспомнил, что ему уже дважды звонили на сотовый телефон, а он не придавал этому особого значения. После первого звонка спустили колеса. Все четыре. Значит, его, действительно, предупредили, дали понять, что он должен прекратить в дальнейшем заниматься своим расследованием. Каким именно? Понятно, что это касается так называемого цыганского вопроса.

Причем предупредили аккуратно. Ничего не сломали, не разбили, а просто выпустили воздух из колес. По – дружески.

В том, что его кто – то слушает, сомнений не было. Но кто?

Был еще звонок. Владимира вдруг бросило в жар. После каждого звонка что – то происходит. Второе предупреждение, несомненно, связано с сегодняшним происшествием. С ним не шутят. Только его величество случай спас Владимира. Это уже не розыгрыш.

«Сегодня кто – то звонил мне домой, об этом сказала жена. Значит, это третье предупреждение? Что за ним последует? – словно огнем обожгло внутри. Оборвалось и покатилося вниз, дошло до ног, и Владимир ощутил, как они стали ватными, бессильными. Опустившись на диван, лихорадочно набирал номер телефона, и молил Бога только об одном: – Подними трубку, только трубку подними, ну, прошу тебя, ну, пожалуйста».

Наталья, – уже кричал в трубку Владимир, как только понял, что ее, наконец – то, подняли. – Скажи, Света у тебя? Ну, не тяни резину, у тебя она?

Успокойся, у меня. На кухне сидим, пригласить ее?

Не надо.

Ничего так не хотелось Владимиру, как налить полный стакан водки. Именно стакан. И залпом выпить. Но водки не было. Лишь под утро он забылся в каком – то тяжелом, тревожном и непонятном ему сне. Словно пил какую – то чашу до дна, в которой будущее было непонятным, вчерашнее удерживало, вот почему настоящее ускользало от него.

И снова Сашка. Исповедь другу

*Ничто так не воодушевляет,
как сознание своего безнадежного состояния.*

В глаза светило яркое весеннее солнце. Проснувшись, но еще не открывая глаз, Владимир почувствовал тепло его лучей. Но ни весеннее солнце, ни утро не принесло ему никакой радости. Так и лежал с закрытыми глазами. Не хотелось просыпаться. Но мозг уже проснулся и заставлял поднять тело.

«А зачем вставать? Для чего? Не хочу. Ни – че – го – я – не – хо – чу! Жены нет, уехала вместе с сыном в теплые края. Сколько прошло, как она уехала, неделя, больше? – Владимиру захотелось закурить. Но для этого надо было подняться, а он не мог себя заставить это сделать. Им овладело полное безразличие. – Нет, надо заставить себя что – то делать. Вот сейчас, еще немного полежу, и встану».

Кто бы это мог быть? Владимир никого не ждал: «Меня нет. Ну, почему ты так настойчиво звонишь? Чего тебе надо? Я никого не хочу видеть».

Подойдя к двери, Владимир посмотрел в глазок. Это был Сашка:

Привет, дружище. Наконец – то. Ты куда пропал, не могу дозвониться. Телефоны отключены. Никто ничего пояснить не может, все тебя потеряли, что случилось?

Подожди, Сашка, не все сразу. Раздевайся, проходи, сейчас сварю кофе.

Ну, и что думаешь делать? – выслушав Владимира, спросил Сашка.

Не знаю. Ничего уже не хочу. Вот только закончу это цыганское дело, брошу все к чертовой матери, возьму дополнительно отпуск и уеду. «На недельку, до второго, я уеду в Комарово...»

Слушай, Сашка, я вот о чем думаю, откуда они, ну те, которые звонили мне, могут знать, какой информацией я владею? Ведь никто об этом, кроме Барона и его близкого окружения, не знает? Смотри, что получается. Как только я получаю какую – то информацию и передаю ее Барону, мне кто – то звонит и делает предупреждение. Помнишь, в твой день рождения был звонок? Я не придавал этому значения. А утром оказались спущенными все четыре колеса. Этим мне дали понять, что знают, где я живу и даже – какая у меня машина и где она стоит в ночное время. Легкое такое, дружеское предупреждение.

Идем дальше. Я не прислушался к этому и получил второе, уже более серьезное предупреждение. До сих пор не могу понять, какая сила остановила мою машину. Ведь тогда, в последний момент, подумал, что это все, конец. Произошло какое – то чудо. Ты уже знаешь, Сашка, что тормозные шланги были подрезаны.

Накануне этого происшествия я получил информацию об одном из бандитов, ну, этих копателей, и сделал звонок Барону. Сказал ему при этом, что у меня кое – что есть и нам надо встретиться. Но что именно, какую информацию должен был передать, не говорил. Нет, вру, по – моему, я сказал ему, что у меня есть информация об одном из варваров. Это точно. Говорил.

Был еще один звонок. Звонили домой, и трубку подняла жена. Этот звонок был после того происшествия с тормозами и КАМАЗом на дороге. Мне передали предупреждение, даже пригрозили проблемами, которые могут появиться.

И что ты думаешь по этому поводу, дружище? Ведь я тоже кое – что знаю, и.

Прекрати, Сашка. Не скрою, была мысль, прости. Но я исключаю это полностью. Во – первых, ты ничего конкретно не знал, как, впрочем, и самого главного – того, что мне стал известен один из тех копателей. Об этом никто, кроме одного человека, передавшего мне эту информацию, не знал. Но этот человек также не заинтересован меня кому – то сдать, так что

он просто не оказал бы мне эту услугу. Во – первых, он пошел на должностное преступление, во – вторых... нет, это я так же исключаю полностью.

Но, может, кто – то из окружения цыган.

Зачем? Какой смысл? Я работаю на них. Более того, говорю только с Бароном; ну, еще Василий, брат его, всегда присутствует при встречах. Все что угодно, только не это. Не вижу никакого смысла. Более того, Барон еще не знает, какую именно информацию я ему приготовил. На сегодняшний день он пока ничего не знает, ведь мы еще не встречались.

Я много думал, Сашка, но ничего не понимаю. Даже если этот некто связан с милицией, то и здесь пусто. У меня появились улики, помнишь, я говорил про стаканы? На них были пальчики тех, кто был там. Так вот, на одном из них есть пальчики ранее судимого вора. И кому именно они принадлежат, я уже знаю. Больше – ни одна живая душа.

У меня была мысль – передать эту информацию начальнику криминальной милиции, он произвел на меня хорошее впечатление. Но как я мог это сделать? Как объяснить, откуда информация? Подставить того, кто мне помог? Это во – первых. Во – вторых, эти стаканы я взял на месте происшествия самовольно. Нигде этот факт официально не зарегистрирован. Понимаешь, о чем я говорю? И даже если сейчас я все передам в милицию, то в лучшем случае они это похерят. В худшем – бумерангом вернется ко мне. И не только ко мне. А я еще, между прочим, в должности государевой состою, и вроде бы должен начальству доложить или... отстать от дела

Это, кстати, ответ на твой вопрос, Сашка. В отношении моих сомнений по поводу твоей персоны. Здесь что – то другое. Знаешь, есть подозрение, что меня кто – то слушает...

Да, дружище, – отвечая на его немой вопрос, продолжил Владимир. – Слушают. Но зачем? Ведь я никогда по телефону ни о чем конкретно не говорю. Открытым текстом могу только согласовать, например, время и место встречи.

На вопрос Сашки, уверен ли он в этом, Владимир, настроив свой телефон на громкую связь, набрал номер его сотового телефона. И тут же передал ему трубку. В кармане Сашки, отвечая на вызов, заиграл телефон. Они явно услышали характерный щелчок, похожий на снятие трубки вызываемого абонента, затем пошли длинные гудки.

А теперь скажи что –нибудь, ну, поздоровайся со мной, – улыбаясь, предложил Владимир.

Сашка, с интересом посмотрел на Владимира, взял в руки телефон, произнес что – то вроде приветствия. И услышал повторяемое эхо своего собственного голоса.

Ну, что скажешь? – выключив телефон, спросил Владимир.

Черт его знает. Конечно, странно как – то он работает. И давно?

С неделю. Началось еще до случая на дороге.

Ну, и что ты думаешь по этому поводу, что будешь делать?

Думаю, если меня действительно слушают, это не по линии милиции. Для этого нужны основания, да и соответствующая санкция. Оснований таких нет. В этом я уверен.

Если меня слушают, то это иные люди, имеющие возможность проводить такие действия. А таких структур в наше время, в нашем городе хоть отбавляй. Не надо никаких прокурорских санкций. За деньги сделают все.

А что, спрашиваешь, делать? Думаю, поиграть с ними. Мне даже интересно. Заодно проверю свои подозрения. Сегодня же куплю телефон с сим – картой на иное лицо. На этом аппарате буду разговаривать с цыганами и согласовывать встречи.

А вот со своего телефона я им устрою гонки. Если эти любопытные действительно интересуются моим местом нахождения, они у меня покатаются не только по городу, а по всей области.

За разговором не заметили, как пролетело более часа. Но даже в прихожей, прощаясь, Сашка так и не спросил у Владимира об его личной жизни. Он уже понял, что Владимир остался один. Только пожелал удачи, выдержки и еще что – то, понятное только им обоим.

Он не стал повторяться, как уже было в начале марта, предлагая Владимиру бросить цыганскую тему, прекратить своего рода хождение по мукам. Он понимал, что это будет бесполезный, хотя и дружеский, совет...

Цезарь. Дорога мщения

Кто жизнью не рискует, тот никогда ее не обретет

– Привет, Барон, это я. Не удивляйся, оставь в памяти этот номер телефона, по нему будем в дальнейшем общаться. Извини, раньше никак не мог подъехать. Сейчас я сделаю тебе звонок со своего телефона. При разговоре скажу, что у меня дела, встретиться не могу, новостей никаких нет, все как прежде. Но буду у тебя ровно через час. Все вопросы при встрече. Все, пока.

Барон понял Владимира сразу, и тот, позвонив со своего телефона и услышав привычный уже для него характерный щелчок и собственное эхо, сообщил, как они и договаривались, что встретиться сейчас с ним не может, никаких новостей нет, порадовать нечем. Здесь же Владимир проинформировал, что направляется в один из районов города по его вопросу, причем он уже на выезде из города. Даже добавил, куда именно едет.

«Ну, что же, уважаемые мои преследователи, если вы меня слушаете – прокатитесь немного, – размышлял Владимир. – А то засиделись, больше недели не тревожили... Наверняка, подумали, что напугали меня. Тем лучше. Впрочем, для кого лучше? – невольно подумал Владимир. – Скорее всего, для меня».

И с горькой усмешкой представил, как сейчас те, неизвестные ему, несутся в указанный им район из города. Наверняка, это для них полная неожиданность. Тот факт, что они могли его караулить целую неделю у дома, исключался. Значит, будут искать именно там, по тому адресу, куда он их направил.

Поскольку времени до встречи с Бароном было предостаточно, Владимир принял душ, сварил кофе и в ожидании такси, которое предварительно заказал по телефону, причем с нового, неизвестного пока его доброжелателям номера, вышел на балкон.

Уже по какой – то привычке, подсознательно, сверху осмотрел двор. Ничего, что могло бы его насторожить, не заметил.

На душе был полный покой. Уже не думал о своем одиночестве. Никакой ностальгии. Тем лучше. Жизнь продолжается. Надо жить. И пусть Владимир не был убежден, что все будет хорошо, но допускал, что не все будет плохо.

* * *

Подъехав к дому Барона и не успев даже отпустить такси, Владимир увидел, что его уже ждут. Войдя в дом, не озираясь, как прежде, по сторонам, в сопровождении Барона (на этот раз он встречал его на улице) прошел к столу. Здесь были Василий и уже знакомые ему двое цыган.

Барон выжидающе смотрел на Владимира. Все молчали.

– Не скрою, Барон, у меня были сомнения, правильно ли я сделаю, если назову тебе сейчас одного из тех, кто был в ту ночь на могиле вашего брата. Не спрашиваю, что вы сделаете с ним. Чувствую: наказание он получит соответствующее; мне даже страшно от этой мысли... Я работник милиции, следственных органов. Возможно, если бы не события последних дней, которые произошли со мной, скорее всего, я бы скрыл то, с чем сейчас пришел к тебе.

Знаю, что если я передам эту информацию в милицию, пострадают другие люди – те, которые помогли мне. Этого допустить нельзя.

Я не судья и не Бог. Тебе решать, Барон.

Внимательно слушая Владимира, все молча курили.

– Вот здесь, Барон, информация об одном из тех, кто был тогда на кладбище. Ему двадцать восемь лет, вор. Кличка – или, как говорят, погоняло – Прыщ. Вырос без отца, матери.

Мать пила, воспитанием не занималась, умерла от водки. Первый срок получил еще по малолетке. Мне, конечно, не понятно, почему он оказался среди этих ублюдков, насколько мне известно, вор никогда не пойдет на такое дело. Но, как говорится, факт остается фактом.

Его пальчики остались на одном из стаканов, если помнишь, они валялись у столика? Все исчезло, кроме этих стаканов, которые я тогда забрал с собой. Проявились эти пальчики, потому что они в базе, в особой картотеке УВД. Принадлежность других отпечатков, имеющих на других стаканах, не известна. Видимо, ни один из них, за исключением Прыща, ранее не привлекался к уголовной ответственности. По крайней мере, в базе они не найдены.

Передав Барону ксерокопии экспертного заключения, выждав, когда он внимательно с ним ознакомится, Владимир положил рядом переписанные от руки необходимые для поиска Прыща данные, после чего попросил вернуть бумаги.

Над пепельницей Владимир чиркнул зажигалкой и поднес ее к ксерокопиям. Все смотрели, как бумага, ярко вспыхнув, медленно, нехотя сворачиваясь, постепенно приобретая черный цвет, еще отсвечивая ярким, но уже трепетным пламенем, превращается в пепел.

Найти его место нахождения для тебя, Барон, не составит особого труда. Знаю, у тебя имеется такая возможность. Это все. Полагаю, я выполнил свою работу. Больше я вам не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.